

ОДИННАДЦАТЫЙ ПЕРИОД

Начало 1945 года: конференции на Мальте и в Ялте; военные соглашения и дипломатические компромиссы

На Мальту и в Ялту; февраль 1945 года

Ассамблея трех глав государств и их военных советников, как мы уже видели, все время переносилась. Рузвельт с нетерпением ждал этой встречи. Однако он отложил ее до своей инаугурации 20 января. Это позволило ему позаботиться о завершении текущей сессии конгресса и подготовиться к своему представлению на новой. Вероятно, из-за промедления в ходе войны во Франции и в Италии он предвидел, что на мирное урегулирование потребуется больше времени, чем он предполагал. Сталин не был обеспокоен долгим ожиданием. Но Черчилль – был, опасаясь серьезного сбоя в согласованности политики союзников, во время которой многие важные вопросы сведутся на нет. Однако он вежливо, но неохотно согласился.

Президент изменил свое отношение к путешествию на советское побережье Черного моря для встречи со Сталиным. В октябре он сказал Сталину, что охотно туда приедет. Но потом эта идея стала внушать ему неприязнь. Его беспокоили доклады о том, что этот район неблагополучен в санитарном отношении. Вероятно, он боялся не столько за себя, сколько за своих сопровождающих и за экипаж корабля, на котором он поедет. Он предпочитал ездить на встречи по морю и жить на корабле; и ему было неясно, сможет ли его корабль войти в Черное море. Кроме того, его беспокоила надежность дальнейшей курьерской связи с Вашингтоном, необходимой для ведения внутренних дел страны. По всем этим причинам он пытался склонить Сталина приехать в Италию, на Сицилию, на Мальту, на Кипр или в другое приятное место на Средиземном море. Но Сталин продолжал отказываться, ссылаясь на рекомендации врачей не выезжать за пределы Советского Союза.

Черчилль, уставший и раздраженный этим осторожным упорством, казалось, в один прекрасный момент согласился принять Молотова вместо Сталина. Его приободряла мысль, что в этом случае конференцию можно будет провести в Лондоне, а Рузвельт, нанеся давно обещанный визит в Британию, сможет посетить свои войска во Франции. Но у Рузвельта и в мыслях не было иметь дело с кем-нибудь, кроме Сталина. Поэтому в декабре он дал согласие приехать в Крым. Черчилль повторил, что поедет туда, куда захочет президент. Поэтому все они в конце концов сошлись на Ялте. Президент принялся планировать отъезд на военном корабле к Средиземному морю сразу же после инаугурации. Поскольку его доктора полагали, что ему не следует лететь на большой высоте над горами между Италией и Ялтой, ему предложили, чтобы крейсер «Куинси», который должен был переправить его через океан, дошел только до Мальты. Черчилль почти по-мальчишески радовался, что президент остановится в каком-нибудь месте, находящемся под британским флагом, в частности на этом острове в Средиземном море, который так отважно сражался с немцами. Его энтузиазм нашел выражение в коротких рифмованных фразах, которые позабавили мир:

С Мальты в Ялту мы пройдем,
И с пути мы не свернем.

В таком же радостном настроении он предложил президенту дать конференции кодовое название «Аргонавт», имея в виду греческую легенду (аргонавтом назывался член группы, отправившейся с Ясоном на корабле «Арго» на поиски золотого руна. Предполагается, что корабль пристал в Колхиде на побережье Черного моря к югу от Кавказских гор).

Президенту понравилось это предложение. Отвечая Черчиллю, он сказал: «Мы с вами его прямые потомки».

Черчилль по-прежнему тревожился из-за хода операций в Северо-Западной Европе и, прежде чем встретиться с русскими, хотел еще раз тщательно просмотреть стратегические планы, касающиеся Западного и Итальянского фронтов. Вероятно, он так же настороженно относился к еще одной попытке Объединенного комитета начальников штабов изменить стратегическую программу в пользу войны на Тихом океане, о возможности чего намекали не слишком обоснованные сообщения британского посла в Вашингтоне лорда Галифакса.

Премьер-министр спросил президента, не мог бы он провести две-три ночи на Мальте и позволить посовещаться штабам. Когда президент вежливо отверг эту просьбу, договорились, что Объединенный комитет начальников штабов прибудет на Мальту заранее, чтобы иметь возможность провести предварительные переговоры со своими британскими коллегами.

Рузвельт сказал, что не думает, что ему с Черчиллем следует оставаться в Ялте более пяти-шести дней. Помня об этом и взывая к сильному желанию президента завершить работу, начатую в Думбартон-Окс, премьер-министр предложил, чтобы на Мальту направили Стеттиниуса для предварительных переговоров с Иденом. Он сослался на положительные результаты переговоров на уровне министров иностранных дел в Москве перед Тегеранской конференцией и в шутку добавил: «Я не думаю, что осуществление наших надежд относительно всемирной организации возможно в течение пяти-шести дней. Даже Всевышнему понадобилось семь». Рузвельт ответил, что Стеттиниус не может в настоящее время покинуть Вашингтон для предварительных переговоров с Иденом, но он направит в Лондон Гопкинса. Сезон холодности миновал, и Гопкинса снова использовали для самых важных и запутанных дипломатических поручений. Очевидно, президент считал его более пригодным для схваток с «мальтийскими рыцарями», чем новичка, которого он вырастил до положения государственного секретаря.

30 января британские и американские военные штабы приступили к совещаниям на Мальте. Они быстро пришли к соглашению по большинству вопросов, остававшихся до сих пор нерешенными. Поэтому к прибытию Рузвельта и Черчилля предварительный доклад был почти готов.

Страхи британцев (а возможно, и русских), что американцам не терпится бросить все силы на войну против Японии, были развеяны. Договоренность, согласно которой главной целью была безоговорочная капитуляция Германии, оставалась в силе. Но боевые ресурсы союзников позволяли принять решение одновременно нанести удар по Японии. Вероятность принятия такого решения ограничивалась положением, записанным в окончательном докладе Объединенному комитету, которое гласило: «Влияние такого решения на сроки исполнения главной цели должно быть обсуждено Объединенным комитетом до принятия решения». В этом докладе, с оптимизмом глядящем в будущее, определялось, что после разгрома Германии Соединенные Штаты и Великобритания в сотрудничестве с остальными государствами Тихого океана и Россией направят все свои ресурсы на скорейшее достижение безоговорочной капитуляции Японии.

На мальтийских совещаниях все дружно согласились, что необходимо поторопиться с наступлением на Западном фронте, предусмотренным первой фазой плана. 30 января Эйзенхауэр, выступая на заседании Объединенного комитета, заявил: «...сейчас фактор времени... приобретает огромную важность ввиду наступления русских. Похоже, что такое положение продолжится до 15 марта... В связи с ослаблением наступательных действий немцев на Западном фронте наша главная задача заключается в том, чтобы как можно скорее выйти на север к Рейну».

Так пришел конец разногласиям по поводу главного направления наступления

союзников на Западном фронте, с октября существовавшим между Эйзенхауэром и Монтгомери и их штабами.

Британцы яростно и настойчиво протестовали против стратегии широкого фронта. Они доказывали, что самый лучший способ достижения ощутимого результата – сосредоточение всех сил на главном направлении наступления. После двух встреч с Эйзенхауэром Монтгомери 30 ноября написал ему письмо, где в беспощадных выражениях изложил свою точку зрения. Выразив свое отрицательное отношение к результатам недавних наступлений на различных направлениях, он убеждал Эйзенхауэра изменить директиву от 28 октября, которая предусматривала концентрацию сил на севере, а также изменить стиль командования.

По этому поводу существует свидетельство: «Последний фактор (возможное продолжение командования Монтгомери) сыграл в споре важную роль. Дело в том, что, сделав акцент на связи между стратегией и командованием, британцы повлияли на отношение американцев, уже настороженных спорами о командовании, к стратегии. Американцы никогда не симпатизировали Монтгомери, единственному наземному командующему, подчиненному Эйзенхауэру. А сейчас, в связи с докладами о его недопустимом поведении, они и вовсе ополчились против него. Дело в том, что Монтгомери, уже непопулярный среди американских офицеров, своим высокомерием заметно увеличил свою непопулярность после неудачи в Арденнах».

Содержание письма Монтгомери и его тон возмутили Эйзенхауэра и Брэдли. 12 декабря на специальной встрече в Лондоне Эйзенхауэра и Теддера с премьер-министром и начальниками штабов была предпринята попытка уладить возникшие разногласия, привлечшие внимание Объединенного комитета.

Этот вопрос с трудом был разрешен на Мальте и в Ялте. Обе штабные группы пришли к соглашению, что главное наступление должно быть предпринято на севере, на рурском участке Рейна. Однако британцев по-прежнему тревожили некоторые пункты планов кампаний, придуманных, по их мнению, американцами.

Они боялись, что Эйзенхауэр не станет форсировать Рейн на севере, пока к западу от излучины реки не останется ни одного немца. Эйзенхауэр, наслышанный об этом, поручил генералу Уолтеру Беделу Смиту, представлявшему его на Мальте, передать: «Можете от моего имени заверить Объединенный комитет, что я форсирую Рейн на севере, как только эта операция станет выполнимой, и без промедления займу весь берег Рейна. Далее я двинусь на север с максимальной силой и непреклонной решимостью, если ситуация на юге позволит мне собрать необходимые силы, чтобы не подвергаться неоправданному риску».

Британцев также тревожило, обеспечит ли Эйзенхауэр достаточно сильное наступление на севере, чтобы оно смогло нанести сокрушительный удар по немецким линиям. Поэтому они предложили оговорить в плане, что главным ударом считается наступление на севере, а все другие операции остаются вспомогательными. Американцы не хотели брать на себя такую ответственность. Они понимали: сколько бы сил ни было переброшено на этот участок фронта, форсирование Рейна в северной части может быть осуществлено лишь ограниченными силами. Они хотели быть уверенными, что в рурском регионе немцам не удастся собрать достаточно сил, чтобы отразить наступление союзников. Генерал Смит привел также заверение Эйзенхауэра по этому вопросу: он намерен бросить в наступление на севере каждую дивизию, которую можно поддержать с тыла (то есть полностью вооружить и оснастить). Наступление на юге, утверждал он, должно не соперничать с наступлением на севере, а быть достаточно сильным, чтобы оттянуть немецкие войска, защитить регион Франкфурта и создать альтернативную линию наступления, если основной удар окажется безрезультатным. Британцы уступили этому доводу, возможно, из-за численного превосходства американцев на Западном фронте.

Более чем вероятно, что эта разница мнений была вызвана не только разногласиями по военным вопросам, но и борьбой за командование.

Примирению сторон мешало недоверие британцев к тому, как Эйзенхауэр толковал свои заверения, и возмущение американцев отсутствием у британцев веры в руководство Эйзенхауэра.

Почитателями и защитниками Эйзенхауэра и Монтомгери было написано много спорных книг, исследующих эти вопросы на многих уровнях, от высокой стратегии до личной клеветы. Я осторожно воздержусь от вступления в спор, который до сих пор ведут ветераны этих великих кампаний.

В соответствии с заверениями Эйзенхауэра, в планы операций на зиму и весну 1945 года были внесены изменения. Измененные параграфы были одобрены главнокомандующим и приняты к сведению Объединенным комитетом. 2 февраля Черчилля и Рузвельта проинформировали о достижении полного соглашения. Результат их удовлетворил.

Как объяснили генерал Маршалл и фельдмаршал Брук Сталину и его военному штабу в Ялте, американские и британские войска сосредоточат основные силы для двух наступлений по сходящимся направлениям к линии Рейна от Дюссельдорфа на север. Все дивизии, которые можно будет вооружить и оснастить, будут брошены на эти наступления. Они надеялись, что им удастся отбросить немцев к востоку от Рейна, сделав возможным форсирование реки севернее Рура. Кроме того, восточнее Рейна должны были высадиться многочисленные воздушно-десантные войска. Сочли, что форсирование Рейна на севере возможно после 1 марта, но до того любая попытка сделать это будет рискованной. Планировалось также разместить на оси Франкфурт – Кассель все силы, доступные после переброски тридцати шести действующих дивизий и десяти запасных, для наступления на севере и обеспечения общей безопасности по всему фронту.

Ни Сталин, ни советский штаб не нашли в этом сценарии операций на Западном фронте ни одного изъяна. Он был расписан, акт за актом, в окончательном докладе, одобренном Рузвельтом и Черчиллем в Ялте.

Объединенный комитет внес изменения в планы на средиземноморском театре военных действий. В окончательном докладе, одобренном в Ялте, записано:

«Мы пересмотрели нашу стратегию на Средиземном море в свете развития ситуации в Европе и вероятной возможности отступления врага в Италию. Мы договорились, что нашей первоочередной задачей в войне против Германии должно стать сосредоточение максимально возможных сил на Западном фронте и поиск решения на этом театре военных действий. В соответствии с этим мы договорились убрать некоторые силы со Средиземноморского театра военных действий, предоставить их в распоряжение Верховного Главнокомандующего, союзных экспедиционных сил и уточнить задачи союзного Верховного командования на Средиземном море».

Таким образом, было решено до 15 марта перебросить в Северо-Западную Европу три британские и канадские дивизии, а еще две дивизии и часть тактических воздушных сил, освободившихся после операций в Греции, перебросить в Италию. Давая свое согласие на эти перемещения, Черчилль, по-видимому, находился под влиянием непреодолимого желания канадцев разместить все свои дивизии на Западном фронте. Его согласие было созвучно с желанием британских начальников штабов придать несокрушимую мощь силам Монтомгери на севере. Этим закончились неоднократные попытки премьер-министра найти способы вступления в Юго-Восточную Европу и соединиться с русскими под Веной или в Венгрии. Но он по-прежнему цеплялся за суть своей цели и, одобряя решение, заметил, что «он придает огромное значение быстрому осуществлению отступления или капитуляции немецких войск в Италии. Он считает, что нам надо занять как можно больше территории Австрии, поскольку нежелательно, чтобы русские захватили большую, чем необходимо, часть Западной Европы».

На штабных конференциях на Мальте также возникли планы общих театров военных действий на Дальнем Востоке – в Китае, Индии-Бирме и Юго-Восточной Азии.

В Китае перспектива радовала. Японцам не удалось дойти до главной базы американских военно-воздушных сил в Кунмине. Шансы уничтожить сопротивляющиеся китайские войска и правительство в Чунцине были нулевыми. Мрачные сомнения, что, может быть, придется заплатить жизнями и вооружением, чтобы вдохновить китайцев на военные усилия, начали постепенно сменяться надеждой.

Генерал Маршалл, в прошлом обескураженный бездеятельностью китайцев, на заседании Объединенного комитета 3 февраля описал происшедшие изменения: «Во-первых, часть хорошо обученных китайских войск переброшена из Бирмы в Китай. Во-вторых, открытие бирманского пути означает, что можно осуществить первые поставки артиллерии для китайской армии. В-третьих, если операции в Бирме по-прежнему будут идти успешно, дополнительные хорошо обученные китайские войска смогут вернуться в Китай, и не исключено, что вскоре возникнет действующий китайский корпус».

Однако необходимость в увеличении китайских войск для разгрома японцев уменьшалась ввиду намечающегося вступления в войну Советского Союза. Одновременно по мере того, как американцы захватывали островные позиции все ближе и ближе к Японии, а русские обещали предоставить базы в Приморье, уменьшалась ценность воздушных баз в Китае.

Заявление, содержащееся в окончательном отчете, было неопределенным: «Первостепенной военной целью Соединенных Штатов в Китае и Индии-Бирме является продолжение помощи Китаю в том масштабе, насколько это позволит полностью использовать территорию и ресурсы Китая для операций против японцев».

Это не предусматривало пассивного ожидания развития событий в Европе и в Китае. На Объединенном совете начальников штабов снова были сделаны предложения относительно возможных операций в Китае, которому Соединенные Штаты помогут вооружением, техническим оснащением, обучающим персоналом и несколькими небольшими воинскими частями. Согласно их плану (под кодовым названием «Рашнесс») китайские дивизии должны были пройти по суше от внутренней части к берегу, взять под свой контроль район Кантона/Гонконга и открыть там порт, через который Соединенные Штаты смогут осуществлять поставки продовольствия, оружия, а может быть, и перебрасывать войска; а потом объединенные силы соединятся с китайскими войсками, чтобы гнать японцев на север, где их будут ждать русские.

Принятые прежде планы полного изгнания японцев из Бирмы были подтверждены и расширены. Но позже битва за Северную Бирму отнюдь не была выиграна. Китайские, индийские и британские войска были брошены на потрепанные японские силы. 26 января китайские войска, продвигающиеся на запад через высокие горы из Юньнана, соединились с китайскими дивизиями, пробивающимися на восток из Индии. Путь в Китай был открыт. Первая колонна грузовиков пересекла границу на следующий день. Предстояло выиграть еще несколько тяжелых битв прежде, чем японцы в Центральной и Южной Бирме будут разгромлены и вынуждены капитулировать из-за голода и сильного измождения.

Заглядывая вперед, скажем, что Объединенный комитет в своем окончательном отчете после завоевания Бирмы дал указание командованию в Юго-Восточной Азии (под началом лорда Маунтбетена) приступить к освобождению Малайи и приказал открыть Малакский пролив. Но было оговорено, что вооруженные силы Соединенных Штатов, размещенные на индийско-бирманском театре военных действий, следует рассматривать как резерв для Китая, а не для операций в Малайе или где-нибудь еще в этом регионе без нового согласования. Черчилль прокомментировал интерес к Малайе, проявленный на Мальте: «Сейчас оказалось, что операции американцев и британцев в этой части мира направлены на достижение разных целей. Американцы продолжают прилагать усилия в Китае, а усилия британцев обращены на юг».

Это означало, что американское правительство оставляло за собой свободу планировать операции в Китае и северной части Тихого океана; согласованные со стратегическими планами русских. эти планы повлияли на будущие события в Северном Китае, Маньчжурии и Корее. Одновременно британцы не встречали никаких препятствий в определении последующего передвижения своих морских и наземных сил в Юго-Восточной Азии. Это проложило путь к последующему возвращению британцам Сингапура и Соединенных Штатов Малайи, захвату голландцами Восточной Индии и возвращению французов в Индокитай.

Совместив свои точки зрения и придав им согласованную и определенную форму, американские и британские военные вылетели в Ялту. Они надеялись окончательно согласовать с советскими войсками свои действия в Европе и на Дальнем Востоке. Президент и Черчилль вылетели вслед за ними в холодную ночь на отдельных самолетах.

Многочисленным друзьям и домашним показалось, что президент перед отлетом из Вашингтона выглядел нездоровым, хотя он уверял всех, что чувствует себя прекрасно. Во время морского путешествия он несколько отдохнул и загорел, а от короткого пребывания на Мальте получил большое удовольствие. И все же, когда президентский самолет приземлился на аэродроме Саки в Крыму. Черчиллю, наблюдавшему, как президент сходит со «Священной коровы», показалось, что «вид у него болезненный».

Что же касается британского премьер-министра, то все считали само собой разумеющимся, что он может выдержать любое длительное путешествие без ущерба для здоровья; даже Сталин, извиняясь в разговоре с Гарриманом за свой отказ покинуть Советский Союз, назвал премьер-министра «...самым здоровым стариком и отчаянным малым». Но семья Черчилля и его врачи не забыли о рецидиве пневмонии после конференций в Тегеране и Каире; поэтому вместе с ним приехали дочь Сара и личный доктор лорд Моран.

Когда на пути из Англии у него поднялась температура и ему пришлось некоторое время полежать в постели на Мальте, стало ясно, что он действительно нуждается в уходе.

Президент, сидящий в открытой машине, и Черчилль, идущий пешком рядом с ним, вместе обошли строй почетного караула на аэродроме Саки прежде, чем отправиться в комнату отдыха, где их встречал Молотов. Сталин, по всей видимости, был здоров и бодр.

Еще до того, как начались встречи, договорились, что каждый из трех глав государств сможет свободно поднимать любой вопрос, который ему захочется обсудить. В духе одного из более ранних посланий президента к Сталину (от 18 ноября), где содержатся слова: «Мы понимаем проблемы друг друга и, как Вам известно, я хочу, чтобы эти обсуждения остались неофициальными, поскольку для официальной повестки дня у нас нет никакой причины», никакой официальной повестки дня не было. Именно рассказывая об их работе, а не делая отметки в календаре их заседаний, я буду следовать топографии исторического пейзажа, на фоне которого разворачивались события.

Ялта: военные дискуссии, Европа и Дальний Восток

Первым решением глав государств в Ялте было решение начать конференцию с обсуждения военных проблем.

Изложив друг другу свои точки зрения, штабные работники отправились формулировать решения, а позже представили их на рассмотрение и одобрение главам государств. Американский и британский штабы время от времени продолжали встречаться, как они это делали на Мальте, чтобы довести до совершенства совместный отчет, попутно согласовывая его с советским Генеральным штабом. Одновременно американцы и русские корректировали совместные планы относительно северо-западной части Тихого океана. За всей этой работой неусыпно наблюдали главы государств. Их «да» или «нет» являлось окончательным приговором.

В записи бесед о координации усилий, направленных против Германии, нет ни малейшего признака соперничества между западными союзниками и Советским Союзом относительно славы или политического превосходства, которого можно достичь, форсируя наступления своих армий. Каждый изъявлял готовность нанести еще один как можно более быстрый и сокрушительный удар, чтобы не допустить переброску немецких войск с запада на восток и обратно и истощить их резервы. Поэтому не уточнялись места и линии, где должны были остановиться войска, наступающие с востока и с запада. Это должно было определиться по ходу битвы; перед творцами политического урегулирования по-прежнему стоял вопрос о том, где и как надолго останется каждая армия.

Рассказы лидеров о своих недавних победах и планах на будущее впечатляли. Сталин и его политические советники доложили об успехах главного наступления в центральной части Восточного фронта, начатого в середине января, и об одновременных наступлениях на севере и на юге. В течение первых трех недель советские войска прорвали оборону противника по всей линии фронта и продвинулись более чем на триста миль в направлении основного удара. Советские войска стояли на Одере к северу от Франкфурта (на границе с Польшей), а на южном фланге Центрального фронта захватили большую часть промышленного района Силезии. Русские находились всего в сорока милях от Берлина. Наступая на северном фланге, они окружили примерно двадцать шесть немецких дивизий в Курляндии, а также прорвали немецкую оборону в Восточной Пруссии и находились на подступах к Кенигсбергу. В Венгрии, постепенно истощая силы немцев, они продвигались к Будапешту. Всего они уничтожили примерно сорок пять немецких дивизий и почти полностью разгромили танковые дивизии, переброшенные с Центрального фронта.

С первых бесед Сталина с Рузвельтом и Черчиллем было понятно, что он настроен оптимистично. Он считал, что немецкий фронт полностью разбит и немцам будет очень трудно даже залатать щели. Но в докладе Антонова на первом пленарном заседании штаба 4 февраля угадывались недобрые предчувствия. Он с глубоким уважением отозвался о сопротивлении, которое даже разгромленная Германия оказывает более мощным силам Красной армии, но предупредил, что раньше, чем русским удастся продвинуться дальше на запад, развернутся еще более ожесточенные бои: «Немцы будут защищать Берлин, для чего они попытаются сдерживать продвижение советских войск в районе Одера, обороняясь за счет отступивших войск и резервных частей, переброшенных из Германии, Восточной Европы и Италии».

Из этого доклада становилось ясно, чего советские власти добивались от американцев и британцев. На Восточном фронте появилось несколько немецких дивизий, недавно воевавших на Западном и Итальянском фронтах. Русские боялись, что в своей последней, отчаянной попытке задержать врага немцы могут в ближайшем будущем перебросить еще значительное число дивизий (от тридцати до тридцати пяти) из Франции, Италии и Норвегии, если им не помешает мощное наступление с запада, и что все резервы, которыми еще располагает Германия, будут сосредоточены на Восточном фронте. Советский штаб просил, чтобы союзники поторопились с мощными наступлениями на Западном фронте и в Италии, чтобы вынудить немцев ввести в бой все свои дивизии, и одновременно поднять все воздушные силы на бомбардировки коммуникаций, чтобы помешать переброске немецких войск на восток с этих фронтов или из Норвегии.

Генерал Маршалл от американцев и фельдмаршал Брук от британцев изложили схемы текущих и будущих наземных и воздушных операций союзников. Они рассказали о своих планах начать главное наступление на севере Рура, а второстепенное на юге в течение нескольких следующих дней; что в марте, когда позволит состояние реки и местности, они форсируют Рейн. Они полагали, что форсировать Рейн сейчас, когда им предстоит столкнуться с самой упорной и плотной обороной немцев, тяжело и опасно.

Именно во время проведения этих операций, считали они, им более всего понадобится защита от пополнения немецких сил с востока или из самой Германии. Они были очень встревожены, потому что ожидалось, что во второй половине марта и в апреле действиям советских войск на востоке могут помешать оттепель и распутица, которые дадут немцам шанс высвободить войска для запада. Таким образом, британцы и американцы хотели иметь уверенность, что русские сделают все, что смогут, чтобы продолжать упорные бои на востоке, отвлекающие силы немцев.

Этот анализ опасностей, которые могут возникнуть на обоих фронтах, убедительно доказал преимущества координации, к которой стремились главы государств. На своей первой встрече с присутствующими военными штабами трех стран они ясно дали это понять. Черчилль с присущей ему прямоотой подтвердил: «Оба наступления необходимо объединить, чтобы добиться лучших результатов». Рузвельт согласился. Сталин признал, что недавние наступления с востока и с запада не были хорошо согласованы и что следует предпринять шаги для лучших результатов в будущем.

Последующие переговоры гарантировали, что такие шаги будут предприняты. Программа наступления на западе, которую приняли американцы и британцы, гарантировала советским войскам на востоке значительную, если не полную защиту против усиления немецких сил на Восточном фронте. Однако русских предупредили, что, несмотря на все усилия союзников, они не в силах помешать немцам перебросить некоторые части из Италии на восток. Пересеченная местность, реки, болотистые равнины и горы помогут немцам скрытно передвинуть свои войска в тяжелые зимние месяцы. На советские власти, кажется, впервые произвели впечатление потрясающие результаты все усиливающихся бомбардировок, выполняемых союзниками. Как раз несколько дней назад тысяча бомбардировщиков совершили массированный налет на Берлин: они наносили все больше и больше ударов по Восточной Германии: и они уже уничтожили все, кроме нескольких нефтеперерабатывающих заводов Германии.

Советский Генеральный штаб отреагировал подобным же обещанием сделать все, что в его силах, чтобы предотвратить маневренное передвижение немецких войск с востока в марте и в апреле. Генерал Антонов, выступавший от его имени, цитируя Сталина, сказал, что русские будут продолжать операции на всех фронтах до тех пор, пока будет позволять погода. Он продолжил, что могут быть перерывы из-за необходимости восстановления коммуникаций, но советская армия сделает все возможное, чтобы сделать их короткими и продолжать наступление на пределе возможностей. Сталин подтвердил эти обещания.

Три военные штабные группы завершили дискуссии о стратегии в Европе выражением веры в намерения и добрую волю остальных. В ходе операций на западе и востоке подтвердилась надежность соглашения, заключенного для общей защиты.

В Ялте Сталин вновь согласился, что следует проводить дополнительные консультации между военными штабами трех стран для более тесного сотрудничества. Президент и Объединенный комитет начальников штабов предложили установить прямую связь между Эйзенхауэром, Александером и советским Генеральным штабом через американскую и британскую миссии в Москве. На встрече с президентом и его советниками 4 февраля генерал Маршалл заявил: поскольку русские находятся в 40 милях от Берлина, у нас нет времени ждать одобрения Объединенного штаба. Черчилль неохотно согласился на этот прямой путь консультаций, боясь, что Эйзенхауэр займется решением вопросов, находящихся в компетенции более высоких властей. Сталин согласился на это, а премьер-министр, можно сказать, согласился это позволить. Однако Черчилль удивился, когда Эйзенхауэр потребовал позволить ему переписываться со Сталиным, как главнокомандующим Красной армии.

Фактически президент продолжал настаивать на прямой связи между Эйзенхауэром, Александером и военачальниками русских войск на востоке по таким вопросам, как

использование воздушных сил и координация ежедневных действий. Но этой прямой связи между военачальниками Сталин воспрепятствовал, считая, что в ней пока нет необходимости.

Когда, как будет сказано ниже, оперативная связь по всеобъемлющим стратегическим операциям стала необходимой, Эйзенхауэр обратился прямо к Сталину, как к главнокомандующему советских войск, а Черчилль счел, что, поступая так, он злоупотребляет разрешением и превышает свою власть.

Дискуссии о войне на Тихом океане возобновились там, где они прервались в ноябре прошлого года в конце визита Черчилля в Москву. Русским сообщили, что мы решили продолжить освобождение Филиппин; а затем, захватив острова Бонин, примерно 1 апреля попытаться захватить Окинаву (в архипелаге Рюкю), что даст нам воздушные базы и передовую морскую базу, находящуюся в угрожающей близости к Японии. Японская противовоздушная оборона больше не являлась серьезным препятствием для наших эскадрилий бомбардировщиков. В недавнем наступлении, в котором мы использовали всего 120 самолетов, город Кобе был превращен в руины; а планы расширения наступательных сил примерно до 1800 боевых самолетов уже осуществлялись. Остатки японского флота не могли выдержать главного боя. Японский торговый флот сократился примерно с 7 000 000 тонн водоизмещения до 2 000 000 тонн.

Президент и Маршалл также знали о другом возможном развитии событий, при котором это превосходство может сделаться еще более сокрушительным. Еще перед отправкой в Ялту им было доложено, что, вполне возможно, вскоре можно ожидать появления новой бомбы гораздо большей разрушительной силы, чем существующие. Генерал Гроувз, глава Манхэттенского проекта, в письме от 30 декабря информировал Маршалла, что первый образец будет готов в августе, следующий – до конца года, а остальные в ближайшее время после этого. Предсказывалось, что взрывная сила первой бомбы будет эквивалентна 500 тоннам тротила; а следующая из этой серии будет вдвое сильнее.

Предположительно, Черчилль тоже знал об этом новом оружии, хотя в открытом отчете об этом не говорится.

Но решающее влияние, которое это оружие могло оказать на окончание войны, не было осознано на основании этого первого отчета и любых других, которые могли быть получены до Ялтинской конференции. Целью этого отчета было определить график операций на Тихом океане под кодовым названием «Аргонавт». В нем повторялся и тем самым подтверждался следующий параграф из декабрьского меморандума Объединенного совета начальников штабов:

«I. Начальники штабов Соединенных Штатов за основу планирования войны против Японии приняли следующее.

Концепция операций, определяющих главные усилия на Тихом океане, такова:

а) Вслед за операциями на Окинаве захватить дополнительные позиции для интенсификации блокады и бомбардировки Японии с целью создания ситуации, благоприятной для:

б) Наступления на Кюсю с целью ослабления способности японцев сдерживать и уничтожать вражеские силы и дальнейшей интенсификации блокады и бомбардировки для создания тактической ситуации, благоприятной для:

в) Решительного вторжения в индустриальное сердце Японии через Токийскую равнину».

В свете того, что мы позднее узнали о развитии ядерного оружия, это представляет собой загадку. Ни президент, ни Объединенный комитет начальников штабов не

объясняли своих мыслей по этому вопросу. Поэтому историку ничего не остается, как только искать (или выдумывать) причины. Несколько таких причин, похоже, дают правдоподобное, хотя и не подтвержденное доказательствами объяснение. Во-первых, следует помнить о присущей военным осторожности, которой они обучены. Их учили, что лучше не рассчитывать на оружие, пока оно не появилось и не оправдало себя. Даже если прогнозы относительно мощности нового оружия подтвердятся, только несколько образцов новых бомб будут изготовлены и поставлены армии в течение следующих двенадцати месяцев. К тому же предсказанная взрывная сила – 500-1000 тонн тротила, – во много раз превышающая силу любой из используемых до сих пор бомб, была не больше, чем у груза, доставляемого в Германию за один-единственный массированный налет бомбардировщиков. Каждая из бомб, упавшая на Хиросиму и Нагасаки, обладала взрывной силой от 10 000 до 20 000 тонн!

Как бы то ни было, ни признание нашего превосходства в воздухе и на море близ Японии, ни обещание нового оружия, которое может сделать это превосходство неоспоримым, не заставило Объединенный комитет начальников штабов внести существенные изменения в свои планы ведения войны против Японии или задуматься о необходимости вступления в войну русских.

Планы операций были утверждены Объединенным комитетом начальников штабов незадолго до их отъезда из Вашингтона. Рассмотренные 22 января, они должны были завершиться «Планами вторжения и захвата индустриального сердца Японии». В меморандуме, направленном президенту на следующий день, Объединенный комитет начальников штабов подтвердил свои выводы о роли Советского Союза в войне на Тихом океане. Его изложение основных принципов работы по вступлению СССР в войну против Японии начиналось так: «Скорейшее вступление России, имеющей громадный опыт наступательных операций, безусловно, окажет максимальную помощь нашим операциям на Тихом океане. США окажут Советскому Союзу максимально возможную поддержку, не ослабляя наши основные действия против Японии».

Окончательный доклад, представленный 9 февраля в Ялте Объединенным комитетом президенту и Черчиллю, соответствовал стратегической политике, одобренной в Вашингтоне. Трезвость, с которой военные советники оценивали способность японцев продолжать войну, подтверждается следующей фразой доклада: «Мы рекомендуем установить планируемую дату окончания войны против Японии через 18 месяцев после разгрома Германии». Повторяем, это был наиболее осторожный военный прогноз. Он не противоречил усилиям добиться капитуляции только действиями на море и в воздухе и не исключал, что капитуляция может произойти быстрее, возможно, даже без участия Советского Союза. Президент допускал такую возможность. В частной беседе со Сталиным 8 февраля, затронув вопрос о воздушных базах на Дальнем Востоке, он выразил надежду, что непосредственного вторжения на Японские острова не потребуются и что интенсивные бомбардировки смогут уничтожить Японию с ее армией, тем самым сохранив жизни многих американцев.

Как бы ни сомневались американцы и британцы, капитулирует ли Япония до того, как ее наземные войска будут полностью разгромлены, а острова оккупированы, Сталин и русские сомневались еще больше. Весь план их операций на Тихом океане и комментарии к этому плану говорят о том, что они допускали возможность японского вторжения в Приморье, ожесточенных боев в Маньчжурии и на Японских островах. Несмотря на осведомленность об ущербе, причиненном бомбардировками союзников в Европе, они не могли представить себе разрушений, которые могут быть произведены союзниками, если их господство в воздухе будет абсолютным.

Дискуссии между американскими и советскими штабами, происходившие под наблюдением Рузвельта и Сталина, имевшие цель скоординировать свои операции против японцев, шли гладко. И снова, как и в Европе, никто в своих отчетах не говорил о влиянии

на военные планы политических целей. О них сообщалось в секретном сепаратном соглашении между главами государств.

Официальные советские лица подтвердили предполагаемую дату вступления советских войск в войну на Тихом океане – примерно через три месяца после разгрома Германии. Американцы согласились, что это вписывается в график их операций. К этому времени они подготовятся к высадке первого десанта на Японские острова. Планы операций, разработанные каждой стороной, были четко увязаны между собой. Американцы были в восторге от русской программы действий, а русским не оставалось ничего, как только хвалить широкомасштабные действия американцев.

Обсуждение этих двух планов в Ялте было откровенным, и в ходе его выяснилось, насколько тяжелой все считают войну с Японией.

Должны ли американцы защищать воздушные базы в Приморье? Этот вопрос снова задал в Ялте Объединенный комитет начальников штабов, а Рузвельт по просьбе генералов поставил его перед Сталиным. Ему ясно дали понять, что мы готовы снабдить советские воздушные силы любым вооружением, при условии что операции, проводимые с этих баз, будут совместными или строго согласованными. Наконец был получен ответ, что Советский Союз готов предоставить военно-воздушные базы, но не в Приморье, а дальше к северу, в районе Комсомольска-Николаевска. Американцы согласились.

Надо ли американцам держать открытым морской путь, проходящий севернее Японии к портам Приморья? Это была одна из причин необходимости высадки десанта на Курильские острова. При более внимательном изучении стало ясно, что в 1945 году это будет сложно. Но, поскольку советские власти полагали, что, несмотря на заранее накопленные запасы, открытый морской путь будет необходим, решение о его закрытии было отложено.

В одобренной хартии скоординированных операций были и другие неотмеченные моменты и пробелы. Не было определено, как далеко на юг могут зайти в Китае советские наземные силы, преследуя японцев. Американцам не было предъявлено никаких условий для высадки десанта на Квантунском полуострове или в Корее, но они не были запрещены. Сочли ли решение этих оперативных вопросов преждевременным, непрактичным или неразумным или их избегали, как слишком деликатных, из отчета неясно. Но похоже, в Ялте ни русских, ни американцев эти несовершенства в достигнутых важных соглашениях не беспокоили.

Советскому правительству удалось заранее заручиться обещанием получить вознаграждение за вступление в войну на Тихом океане. Соблюдая нейтралитет, оно позволяло японскому правительству считать, что продление такого положения можно купить, предложив хорошую цену. Поддерживая угрожающую отчужденность по отношению к Китаю, русские заставляли китайское правительство бояться себя до поры, когда Советский Союз получит возможность использовать против него всю свою силу и влияние. Утверждая, что Советский Союз предпочитает оставаться в стороне от войны с Японией, пока не потребуются его помощь, он заставлял американское правительство беспокоиться о риске и цене такого нейтралитета. Но в те самые дни, когда были разработаны планы военного сотрудничества, Рузвельт и Сталин подписали соглашение, оговаривающее, что получит Советский Союз после победы.

Ялта: тайные соглашения по Дальнему Востоку

В переговорах в октябре с Черчиллем и Гарриманом Сталин сказал, что он выполнит программу участия в войне на Тихом океане, только если будут удовлетворены некоторые желания советского правительства. В этом условии, выдвинутом Сталиным еще тогда, я думаю, содержится предпосылка к соглашению по Дальнему Востоку, подписанному в Ялте. По сути своей это была некая сделка, по условиям которой американское правительство получало некоторые стратегические территории и ослабляло господство

Китаю ради гарантии помощи для разгрома Японии; и, что еще хуже, помощи, в которой не было необходимости. Но это не было ни единственной, ни, вероятно, основной причиной соглашения.

Несмотря на то что советское правительство не просило платежей заранее, большая часть рассматриваемых вопросов будет улажена если не сразу, то очень скоро. Выделяются по крайней мере три группы перекликающихся вопросов, которые главам правительств обязательно предстояло решить:

1. В Каирской декларации было заявлено, что Япония как империя подлежит ликвидации. Китай, согласно ее условиям, должен был вновь получить контроль над Маньчжурией, Формозой и Пескадорскими островами. Но что станет с остальными частями Японской империи? Будут ли Курильские острова и южная часть Сахалина, ее главные оплоты обороны на севере и на востоке, отобраны у Японии; и если так, кто получит их в качестве вознаграждения? Что делать с японскими подмандатными островами на юге?

2. Какого курса будет придерживаться советское правительство по отношению к Китаю? Конфликтные ситуации в пограничных районах угрожали как миру в этом регионе, так и надежде на гармонию между великими державами в Организации Объединенных Наций.

3. Какую позицию советское правительство займет по отношению к внутренним распрям в Китае? Будет ли оно сотрудничать с Соединенными Штатами в их усилиях достичь согласия между китайским правительством и китайскими коммунистами? Или оно, сумев собрать средства и получив возможность рискнуть, тотчас же начнет помогать китайским коммунистам? Или оно, возможно, будет проводить более хитрую дипломатию, направленную на развал Китая, надеясь, если это случится, распространить свое влияние или контроль на северные пограничные регионы?

Соглашение, заключенное в Ялте, было попыткой извлечь из выдвигаемых русскими условий вступления в войну на Тихом океане решение всего этого ряда проблем.

Прежде чем проследить за ходом переговоров по соглашению, следует освежить в памяти состояние Китая на этом этапе войны. Опасности, что японцы смогут установить контроль над всем Китаем и свергнуть его правительство, больше не существовало. Но положение Китая было угрожающим. Внутренние регионы были отрезаны от сельскохозяйственных провинций востока и от побережья. Никакой торговли с внешним миром не велось. Росла инфляция. Жизнь бедных рабочих в городах, студентов, чиновников и солдат была очень тяжелой. Экономика страны после восьми лет забвения и разрухи пришла в упадок. Во многих местах наблюдалась нехватка сельскохозяйственных рабочих, домашнего скота, удобрений и оборудования, что сокращало производство и поставки основных культур. Девяносто процентов железных дорог были непригодны для использования, шоссейные дороги разбиты, грузовиков мало, да и те изношенные. Короче, людям и в свободном Китае, и на территориях, оккупированных японцами, едва-едва удавалось сводить концы с концами.

Конфликты народа с политическими партиями были непримиримыми. Правительство Гоминьдана конфликтовало с мелкими политическими группами. Лояльность многих чиновников – губернаторов провинций, мэров городов, военачальников – была ненадежной. Еще более важен факт, что китайские коммунисты, сосредоточенные на севере, открыто подрывали авторитет правительства и не собирались сотрудничать с ним. Судя по отчетам, в регионах, контролируемых коммунистами, жизнь людей тоже была скудной и тяжелой, но производство находилось в лучшем состоянии, а рис и основные предметы первой необходимости распределялись справедливее и честнее. На опытных политиков, посещавших штаб коммунистов в Яньане, производили впечатление уверенность коммунистических лидеров, поддержка народом их армии и гражданской администрации. Они откровенно делились планами расширения своего господства. Национальное правительство было убеждено, что их цель – захватить весь

Китай, воспользовавшись бедствиями войны, а потому продолжало блокировать коммунистические регионы.

Генерал Хэрли, которому президент поручил добиться политического и военного единства в Китае, старался изо всех сил. Его активные, почти пылкие увещевания сдерживали желание обеих сторон взяться за оружие. Не позволяя себе впасть в депрессию после первых неудач на новом поприще, Хэрли в течение всей Ялтинской конференции вел беседы с представителями обеих сторон. За день до открытия конференции, 3 февраля, национальное правительство представило на рассмотрение предложение о созыве консультативного совещания всех политических партий с целью объединения сил для создания объединенного конституционного правительства. Чжоу Эньлай, главный коммунистический чиновник, прибывший в Чунцин для переговоров с Чан Кайши, заявил, что его партия будет участвовать в этом совещании. Короче, во время Ялтинской встречи, похоже, появилось основание для надежды, что «этот мрачный спорный вопрос», как его называл Хэрли, завершится если не примирением, то политическим соглашением.

Политика американцев в Китае и по отношению к Китаю была основана на предположении, что противостояние коммунистов и правительства Гоминьдана должно скоро завершиться и в стране воцарится политическое и военное согласие. Фактически вся наша политика на Тихом океане стала зависеть от выполнения этой цели. Президент и Государственный департамент рассчитывали заручиться поддержкой и помощью Сталина в мирном урегулировании внутреннего конфликта в Китае или, по крайней мере, получить гарантии, что советское правительство не осложнит достижение единства, убеждая китайских коммунистов быть неподатливыми, подобно польским коммунистам.

Но если в скупых отчетах американцев содержится вся история, президент уделил только мимолетное внимание этому аспекту соглашения по Дальнему Востоку. В отчетах говорится только об одном кратком обмене комментариями 8 февраля после того, как Рузвельт и Сталин договорились заключить письменное соглашение о политических условиях, на которых Советский Союз вступит в войну против Японии. Президент, согласно отчету, только сказал, что «...мы некоторое время пытаемся поддерживать жизнь в Китае», а Сталин сухо заметил, что «...Китай будет жить». Потом Сталин продолжил, что окружение Чан Кайши требует обновления. Президент заметил, что, по его мнению, прогресс достигается путем примирения коммунистов с правительством Гоминьдана и что «...вина больше лежит на Гоминьдане и правительстве Чунцина, нежели на так называемых коммунистах».

Меморандум этой беседы завершается неуверенным замечанием Сталина, что «...он не понимает, почему китайцы не придут к соглашению, если у них должен быть объединенный фронт против японцев. Он считает, что ради этой цели Чан Кайши следует взять на себя роль лидера. В этой связи он вспомнил, что несколько лет назад у них был объединенный фронт, и он не понимает, почему его нельзя возобновить».

Но было ли это все, что эти два человека сказали друг другу о жизненно важной особенности ситуации в Китае? В это трудно поверить. Может быть, Рузвельт считал, что заявления Сталина, его явной отчужденности и желания позволить американцам заниматься этой проблемой достаточно? Или, может быть, он полагал, что Сталина нельзя склонить к определенному решению? Или, может быть, он считал, что больше ничего нельзя просить, так как, по его мнению, на самом деле единству китайцев мешают консервативные элементы Гоминьдана, а не коммунисты? Большая часть американских военных в Китае думала тогда точно так же; и большая часть группы Государственного департамента, занимающаяся делами Китая, чувствовала, что именно Чан Кайши следует заставить пойти на большие уступки, а в случае отказа устранить с политической арены.

Какова бы ни была причина, Рузвельт не получил от советского правительства вразумительного заверения в том, что в ответ на принятие его условий вступления в войну оно использует все свое влияние, чтобы заставить китайских коммунистов быть

сговорчивыми. Оно, похоже, предоставило китайскому правительству самому добиваться согласия с коммунистами, что было одной из фаз улучшения китайско-советских отношений.

Американское правительство пользовалось любой возможностью, чтобы показать смысл и выгоду взаимной дружбы советского и китайского правительств. Чан Кайши, несмотря на страх и недоверие, проявил горячее желание прийти к соглашению со своим грозным северным соседом. Он искал различные возможности обсудить с ним условия. Во время визита в Чунцин вице-президента Уоллиса он уверял, что будет продолжать свои попытки. Одновременно он попросил, чтобы президент стал «посредником» или арбитром на его переговорах с Советским Союзом. Уоллис ответил, что сомневается в согласии президента играть такую роль и что американское правительство сможет стать участником или гарантом китайско-советского соглашения, но, по его мнению, оно охотно использует все свои возможности, чтобы примирить их. Чан Кайши заявил, что, если американское правительство поможет в организации подобной встречи, полдела будет сделано. Сталин и Молотов время от времени обсуждали это предложение. Они всегда утверждали, что хотят иметь дружеские отношения с Китаем. Ответственность за разногласия они перекладывали на китайцев и с негодованием говорили о постоянных попытках Гоминьдана обвинить Советский Союз во внутренних неприятностях в Китае, тем самым оправдывая собственные ошибки и неудачи.

Тогда, в ноябре, русский поверенный в делах встретился с сыном Чан Кайши в Пекине и говорил с ним о возможной встрече его отца со Сталиным. Чан Кайши подумывал, чтобы послать сына в Москву узнать, что замышляют русские. Пока шло обсуждение этого вопроса, президент, помня о военных планах Советского Союза, касающихся Дальнего Востока, 18 ноября направил Чан Кайши загадочное послание. Одновременно он попросил Хэрли передать генералиссимусу, что, по его мнению и по мнению русских, военное соглашение между всеми китайскими силами крайне желательно. Президент добавил, что сейчас не может более полно объяснить свое пожелание, Чан Кайши просто должен верить его словам. Отправляя это послание, президент предложил Хэрли в разговорах с Чан Кайши особо подчеркнуть слово «русские». Оставалось мало сомнений, что Чан Кайши понял это как сигнал о вступлении Советского Союза в войну на Тихом океане и его последующем продвижении на юг и срочно предпринял попытку связаться с советским правительством. Ввиду важности поручения он решил послать в Москву Суня, а не своего сына. Он попросил Сталина принять своего министра иностранных дел. Сталин ответил, что будет рад это сделать, но предложил отложить визит до второй половины февраля или первой половины марта. Это означало, что Сталин решил проверить реакцию американцев и британцев на претензии, которые он собирался предъявить им, до обсуждения их с Сунем. 4 февраля, за день до открытия первого официального заседания в Ялте, Хэрли информировал Вашингтон о подтверждении Сталиным договоренности о визите Суня; но несколько дней спустя, вероятно после беседы с президентом 8 февраля о притязаниях Советского Союза на Дальнем Востоке, Сталин попросил Суня отложить визит до второй половины марта или первой половины апреля.

Упомянем, что на важнейшей встрече 15 октября, когда Черчилль находился в Москве, Сталин, подтвердив намерение Советского Союза вступить в войну после разгрома Германии, официально известил о притязаниях Советского Союза на Дальнем Востоке и что Гарриман и Дин не задали ни одного вопроса, ожидая, что он остановится на этом предмете поподробнее, но он этого не сделал. Вероятно, Сталин предпочел отложить дискуссии по этому вопросу до встречи с Рузвельтом. А президент, похоже, не торопился точнее выяснять намерения Сталина, вероятно, потому, что опасался повредить совместному планированию вступления Советского Союза в войну на Тихом океане;

вероятно, он просто ждал, чем закончатся переговоры между Чан Кайши и китайскими коммунистами. Какова бы ни была причина, он ждал.

Когда Гарриман вернулся в Вашингтон, президент любопытствовал, каковы будут притязания Сталина. Излагая в общих чертах свои предположения 17 ноября, посол подчеркнул важность достижения соглашения между Чан Кайши и китайскими коммунистами до того, как Советский Союз вступит в войну. Он опасался, что, если соглашение не будет заключено, Красная армия в Маньчжурии будет поддерживать китайских коммунистов, как она поддерживала Тито в Югославии, а затем Сталин потребует от Чан Кайши гораздо большего. Напомним, что на следующий день президент велел Хэрли в разговоре с Чан Кайши особо отметить слово «русские». Гарриману президент дал указание по возвращении в Москву выяснить у Сталина, чего он хочет.

14 декабря Гарриман задал этот вопрос Сталину, и тот охотно ответил.

Прежде всего он заговорил о Дайрене. В Тегеране, заметил он, президент сказал, что Дайрен должен быть передан России в аренду. Обведя на карте синим карандашом южную часть полуострова, включая Порт-Артур и Дайрен, Сталин отметил область, которую имел в виду, и спросил, не предполагал ли президент в Тегеране сделать Дайрен международным свободным портом? Посол ответил, что, насколько он помнит, президент предпочел этот тип соглашения аренде, как более соответствующий нынешним представлениям. Сталин точно не помнил слов президента, но пообещал проверить отчет.

Во всяком случае, продолжал он, возможность интернационализации порта «можно обсудить». Какую услугу сослужила ему эта фраза!

Затем Сталин изложил еще две позиции, которые, по его словам, он также упоминал в разговоре с президентом в Тегеране. Во-первых, желание Советского Союза получить в аренду маньчжурские железные дороги. Гарриман спросил, останется ли Маньчжурия подконтрольной Китаю, если аренда будет предоставлена, и Сталин ответил, что он не намерен вмешиваться в их дела. Докладывая об этом ответе президенту, посол заметил, что нет сомнений: если русские войска получают контроль над железнодорожными перевозками и будут защищать железные дороги, влияние Советского Союза станет огромным. Другое требование заключалось в том, чтобы Советскому Союзу были переданы Южный Сахалин и Курильские острова. У России, объяснил Сталин, нет свободного выхода в Тихий океан; все порты или контролируются, или заблокированы «врагом».

Наконец, он выразил желание, о котором в Тегеране не говорилось, – заключить соглашение, признающее Внутреннюю Монголию, как выразился Сталин, «...независимой единицей».

Гарриман информировал президента об отказе продолжать обсуждение этих условий, до получения соответствующих указаний. Рузвельт предпочел отложить этот вопрос до встречи со Сталиным.

В Ялте он продолжал ждать, пока Сталин поднимет этот вопрос. Там он периодически всплывал не на регулярных заседаниях конференции, а в короткие периоды частных бесед между Рузвельтом и Сталиным, на которых Гарриман и Молотов присутствовали в качестве помощников.

Как раз перед пятым регулярным заседанием Сталин и Рузвельт детально обговорили военные планы и перспективы заключительного наступления на Японию. После того как каждый выразил удовлетворение корректным поведением другого, Сталин заметил, что хотел бы обсудить условия вступления Советского Союза в войну против Японии, сославшись при этом на декабрьский разговор с Гарриманом. Президент ответил, что Гарриман представил ему исчерпывающий доклад об этом разговоре, и он считает, что Советский Союз имеет полное право ставить свои условия. Вероятно, он надеялся, что после такого легкого согласия русские постесняются просить слишком много. Он начал с того, что не видит никаких проблем в передаче России в конце войны южной половины острова Сахалин и Курильских островов.

Комитеты Государственного департамента подготовили меморандумы по этим вопросам. Но ни один из этих меморандумов не вошел в протоколы, которые велись в Ялте.

В меморандуме по Южному Сахалину рекомендуется приложить усилия к тому, чтобы заставить Советский Союз признать его подопечной территорией; но оговаривается, что, если Советский Союз с этим не согласится, позиция американцев должна зависеть от текущих обстоятельств. В меморандуме по Курильским островам рекомендуется установить международную опеку над Северными и Центральными Курилами, а управление поручить Советскому Союзу; но Южные Курилы должны остаться за Японией, и принципы разоружения должны быть применимы к ним так же, как и ко всей Японии.

Из обоих этих меморандумов видно, что чиновники, готовившие их, обсуждали эти вопросы с коллегами из военного и морского департаментов. Я не знаю, просили ли у Объединенного совета начальников штабов официального отчета по этим вопросам.

Что же касается желания получить незамерзающий порт на Дальнем Востоке, президент напомнил Сталину о своем предложении, сделанном в Тегеране, о передаче в пользование Советскому Союзу такого порта в конце южной части маньчжурской железной дороги, скорее всего, Дайрена на Квантунском полуострове. Он продолжил, что этого можно достичь двумя способами: или Китай передаст его в аренду Советскому Союзу, или его сделают «свободным портом», находящимся под международным контролем. Президент продолжил, что из двух вариантов он предпочитает второй. так как надеется на согласие британцев вернуть Гонконг Китаю, который тоже сделает его международным свободным портом. После перерыва в беседе Сталин заметил: «...русские не так уж упрямы, и он не будет возражать против интернационализации свободного порта».

Затем Сталин поставил еще один вопрос: Советский Союз хочет пользоваться железными дорогами Маньчжурии, и он точно назвал, какие именно линии имеет в виду. Президент не стал говорить, что Советский Союз сможет надежно «воспользоваться» этими линиями путем заключения привычного торгового или дорожного соглашения с Китаем. Он лишь высказал мнение, что необходим и оправдан специальный договор с Китаем, и указал два пути решения этой проблемы: дороги могут быть арендованы советскими властями и управляемы напрямую ими или над ними может быть установлен контроль совместной китайско-русской комиссии.

Оставив этот и другие вопросы нерешенными, участники беседы перешли к обсуждению вопроса, когда следует уведомить Чан Кайши о намерениях и требованиях Советского Союза. В конце беседы Сталин заметил, что хорошо бы главам трех держав до отъезда из Ялты составить соглашение об условиях, на которых Советский Союз вступит в войну на Тихом океане. Рузвельт согласился с этим предложением.

Сталин захватил инициативу. 10-го, когда работа конференции стремительно приближалась к завершению, Молотов пригласил к себе Гарримана и передал ему английский перевод документа под названием «Набросок политических условий маршала Сталина, на которых Россия вступит в войну против Японии». Очевидно, за два дня Сталин пришел к выводу, что Советский Союз должен и может получить в исключительную аренду и Порт-Артур, и Дайрен; а также восстановить права на маньчжурские железные дороги, которыми обладал царский режим.

Гарриман тут же объяснил Молотову, что, по его мнению, президент обязательно внесет в этот документ три поправки. Две из них были следующими: принятие предложения, чтобы Дайрен и Порт-Артур стали свободными портами, а не отданы в аренду Советскому Союзу; и железной дорогой должна управлять китайско-советская комиссия. Третья касалась достижения соглашения с Чан Кайши, и об этом я расскажу отдельно.

Посоветовавшись с президентом, Гарриман внес желаемые поправки и передал их

Молотову. Позже, в этот же самый загруженный день – в последний, долгий день перед перерывом – состоялось официальное заседание конференции. Когда оно закончилось, Сталин сообщил Гарриману о своей согласии со статусом свободного порта, находящегося под международным контролем, для Дайрена. Но Порт-Артур он хочет получить в аренду, чтобы сделать из него морскую базу. Гарриман предложил ему переговорить об этом с президентом. Маршал подошел к президенту и повторил предложение, касающееся двух портов. Президент согласился. Тогда и Сталин согласился с идеей, что железные дороги должны находиться под контролем китайско-советской комиссии. Беседа двух картографов вскоре была прервана. Но прежде чем покинуть конференц-зал, Гарриман спросил, подготовит ли Сталин исправленное соглашение, и Сталин пообещал сделать это.

Текст, сочиненный за одну ночь, если не считать совместно принятых поправок, был написан совершенно новым языком. Курсивом выделены строки в двух параграфах в том виде, в котором они вернулись от Сталина.

«2б. Торговый порт Дайрен должен стать международным, но в этом порту должны быть гарантированы преобладающие интересы Советского Союза, а аренда Порт-Артура, как морской базы СССР, восстановлена.

2в. Китайско-Восточная и Южно-Маньчжурская железные дороги, обеспечивающие выход к Дайрену, должны управляться совместной советско-китайской компанией. Настоящее соглашение гарантирует преобладающие интересы Советского Союза, а Китай сохранит полное господство в Маньчжурии».

Практическое применение этих новых смелых фраз не обговаривалось. Несмотря на совет Гарримана уничтожить их или подчеркнуть их важность, президент их пропустил. Он полагал, что они со Сталиным хорошо понимают их значение и признанные «преобладающие» интересы Советского Союза касаются лишь: 1) доступа к Дайрену как международному свободному порту и 2) беспрепятственного пользования означенными железными дорогами для советских транзитных перевозок. Это была небрежная и расплывчатая трактовка требований, серьезные разногласия из-за которых не прекращаются уже полстолетия.

В течение этой половины столетия американское правительство часто меняло свою позицию по отношению к подобным же притязаниям, приспособляясь к обстоятельствам и готовности американского народа рискнуть и начать войну. Иногда оно непреклонно отказывалось поддерживать или признавать завоевания русских и японцев в этом регионе, иногда уступало им. Эта статья Ялтинского соглашения кажется гораздо менее сенсационной в сравнении с: 1) записками, которыми обменялись государственный секретарь Рут и посол Японии в Вашингтоне Такахира 30 ноября 1908 года, где утверждалось, что «политика обоих правительств должна быть направлена на поддержание статус-кво...». Тогда статус заключался в особом положении Японии в Маньчжурии со всеми вытекающими правами и привилегиями; и 2) положением в договоре Лансинг-Иши от 2 ноября 1917 года, в котором утверждалось, что правительства Соединенных Штатов и Японии признают, что «территориальная близость создает особые отношения между странами, а следовательно, правительство Соединенных Штатов признает особые интересы Японии в Китае, особенно в той его части, где ее владения находятся по соседству». Это было дополнено заявлением Японии об уважении к свободе, независимости и целостности Китая, подобным тому, которое могло бы опубликовать советское правительство, и опубликовало бы, если бы американское и китайское правительства занимались этим вопросом более усердно.

У президента был выбор, противостоять ли этому и другим требованиям, предоставить китайцам возможность соглашаться или отказывать или поддерживать их. Президент предпочел третий вариант. Таким образом, он, вероятно, принял не все, с чем,

по меньшей мере, был бы вынужден согласиться Чан Кайши. Но он взял на Соединенные Штаты ответственность за то, чего добивалось советское правительство. А когда позже оказалось, что в участии Советского Союза в войне вовсе нет необходимости, его уступчивость показалась безумием. Как сказал Черчилль, тех, кто никогда не делал одновременно нескольких правых дел, каждое из которых связано с риском, будут особенно резко судить за ошибку.

Текст третьего предложения Советского Союза был существенно откорректирован. 8 февраля в первом разговоре о портах и железных дорогах Рузвельт дал понять Сталину, что, не обсудив эти соглашения с Чан Кайши, не может говорить от имени китайского правительства. Но в проекте, который 10-го Молотов передал Гарриману, этому вопросу не было уделено никакого внимания. В нем категорически заявлялось, что «главы трех великих держав пришли к соглашению, что требования Советского Союза, бесспорно, должны быть удовлетворены после разгрома Японии». Это обяжет президента и премьер-министра безоговорочно выполнять условия Советского Союза – не важно, найдет ли их приемлемыми китайское правительство и как будет вести себя Советский Союз. Гарриман предупредил Молотова, что президент не будет решать эти вопросы без согласования с китайским генералиссимусом.

Вернувшись в Ливадийский дворец, Гарриман настаивал, чтобы президент уговорил Сталина опустить эту убедительную причину обязательства. Но президент не считал нужным заходить так далеко, боясь, что если он попытается это сделать, то может показаться, будто он сомневается в самой ценности этого соглашения. Перед ним стояла реальная дилемма: обещать вынудить Китай заплатить дань означало рискнуть навлечь на себя упреки; решительный отказ ставил Китай под удар любой сделки, которую ему может навязать Москва. В любом случае и, как показывает история, ошибочно, он решил, что деликатную проблему можно решить, добавив в текст новое условие: «Согласно договору, соглашение, касающееся портов и железных дорог, о которых речь шла выше, требует согласия генералиссимуса Чан Кайши».

Он объяснил Гарриману, что это положение, по его мнению, преобладает над другими. Кроме того, он надеялся на осведомленность Сталина о положении американской конституции, по которому любое соглашение с иностранными правительствами является предварительным и вступает в силу только после одобрения конгрессом. Это, следует заметить, имеет отношение к законной силе документа и, вероятно, к его проведению в жизнь, но совершенно неубедительно в плане моральных или личных обязательств, которые берет на себя президент.

Сталин согласился включить эту новую фразу, предложив, однако, попросить Чан Кайши согласиться с положением, касающимся поддержания статус-кво Внешней Монголии. Так оба положения, одно за другим, остались в тексте, который и был подписан. Положение в подписанном тексте гласило: «Согласно договору, соглашение, касающееся портов и железных дорог, о которых речь шла выше, требует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету маршала Сталина президент примет меры к достижению этого соглашения».

Президент и Сталин, похоже, не обсуждали, что случится, если Чан Кайши не согласится. Но из всего документа видно, что ни Рузвельт, ни Сталин не сомневались в согласии Чан Кайши.

Оба, похоже, находились в затруднении, когда и каким образом сообщить Чан Кайши о соглашении и о просьбе выполнять его. Никто из них не верил, что этот договор, как бы ни был он связан с обещанием Советского Союза вступить в войну, останется в секрете, если рассказать о нем Чан Кайши. Сталин предположил, что безопаснее всего было бы известить о нем генералиссимуса, когда в конце апреля Сунь приедет в Москву; ведь к этому времени, как он предполагал, советские войска на маньчжурском фронте будут достаточно сильны, и можно будет рискнуть огласить свои намерения, чтобы

японцы узнали о них и сделали первый шаг. Президент согласился предоставить Сталину выбор времени для извещения Чан Кайши. А когда Сталин заявил о своем желании, чтобы американское правительство первым связалось с Чан Кайши, так как он заинтересованная сторона, президент пообещал сделать это через посла Хэрли.

Решая вопросы, имеющие прямое отношение к Китаю, президент, наверное, думал, что китайское правительство будет гарантировано от военных действий Советского Союза и возможного сотрудничества Советского Союза с китайскими коммунистами. Дело в том, что заключительный параграф договора гласил: «Советский Союз, со своей стороны, выражает готовность заключить с национальным правительством Китая пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем с целью оказания помощи вооруженными силами для освобождения Китая от ига Японии».

В оригинальных документах ничто до сих пор не проливает прямого света на мнение президента о ценности и смысле этого положения в договоре. Но в мемуарах Черчилль пишет, что Сталин согласился поддержать националистическое китайское правительство. Но он не дает понять, является ли это просто его интерпретацией заключительного параграфа договора, приведенного выше, или Сталин говорил об этом в частной беседе с ним 10-го или в какой-либо иной день. Гарриман в своем заявлении утверждает, что президент «...добился от Сталина обещания поддержать Чан Кайши».

Предположительно, президент ожидал, что констатация всех условий, содержащихся в этом соглашении, приведет к улучшению китайско-советских отношений; а пакт о дружбе и союзе, который будет заключен, гарантирует положение национального правительства Китая. Упорство, с которым Сталин, в ходе их беседы в Ялте, предъявлял свои требования, похоже, не вызвало у Рузвельта беспокойства, хотя позже это дало возможность советскому правительству договориться с Китаем о еще более высокой плате за дружбу. Но, повторим, именно из этой части договора менее, чем из других, ясно, что думали Рузвельт и Сталин.

Черчилль и его помощники из министерства иностранных дел знали, что американское и советское правительства торопятся с соглашением о претензиях русских на Дальнем Востоке. Прямо перед пленарным заседанием 10-го Сталин рассказал премьер-министру о предложениях, которые он сделал Рузвельту. Вероятно, он хотел выведать у Черчилля, как тот относится к желанию американцев иметь порты, находящиеся под международным контролем, ввиду упоминания Рузвельта о том, что подобный же режим можно установить и в Гонконге. О своем ответе Черчилль рассказал нам только вот что: «Я ответил, что мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и сделаем все, чтобы свести к минимуму потери русских в русско-японской войне».

Из-за нехватки времени мало вероятно, чтобы или он, или Идеи снова обсуждали эту тему с Рузвельтом.

Когда в последние часы конференции законченное соглашение по Дальнему Востоку принесли на подпись вместе с остальными. Черчилль подписал его без возражения. В мемуарах он объяснил причины своей любезности: «Я должен ясно дать всем понять, что, хотя я от имени Великобритании присоединился к соглашению, ни я, ни Идеи не принимали участия в его создании. Оно считалось делом американцев, и, безусловно, представляющим первостепенный интерес для их военных операций. Мы не претендуем на его авторство. Во всяком случае, с нами не посоветовались, а попросили одобрения. Мы и одобрили... Для нас эта проблема была отдаленной и второстепенной».

Вероятно, премьер-министру не хотелось соглашаться, но нужно было поддержать статус-кво Британской империи на Дальнем Востоке. Примечательно, что Стеттиниус в более позднем отчете докладывает, будто один из его друзей в британском правительстве рассказал ему: Идену надоело убеждать премьер-министра не подписывать соглашение, а

Черчилль объяснил, что собирается подписать, «чтобы Великобритания смогла остаться на Дальнем Востоке», а также потому, что «...он крепко верит Рузвельту и чувствует, что может полностью полагаться на мнение президента в этом вопросе». Однако Черчилль нигде не упоминает о каком-либо подобном разговоре с Иденом.

Можно также задаться вопросом, не считал ли он свою уступчивость справедливой платой за инициативу, предоставленную Великобритании в Юго-Восточной Азии.

Как и было договорено, наличие соглашения хранилось в тайне. О нем не упомянули в совместном коммюнике, выпущенном в конце конференции. Никто из трех его авторов не обмолвился о нем в публичных отчетах о конференции. Эта секретность преследовала несколько целей. Она гарантировала Советскому Союзу военную безопасность, откладывала любую возможную реакцию китайского правительства или китайских коммунистов на соглашение и предотвращала активные дебаты в Соединенных Штатах, которые ослабили бы единство союзников. Но именно эта секретность придавала соглашению зловещий оттенок, что стало одной из причин появления бурного интереса и преувеличения его важности в публичных спорах.

В конечном счете, его главным итогом вполне могло оказаться следующее – скорее Япония потеряет свою империю и положение на Азиатском континенте, чем Советский Союз откажется от своих притязаний.

Но сомнения и споры начались позже. Авторы договора расстались в Ялте с чувством, что соглашением о действиях в северной части Тихого океана они вовлекли в свою коалицию еще одного члена и расчистили дорогу Китаю, чтобы он мог свободно войти в нее.

Временного соглашения достигли и по Корее. В Каирской декларации американское, британское и китайское правительства обнародовали решение, что «...в свое время Корея станет свободной и независимой». В той же беседе 8 февраля Рузвельт поднял вопрос о практическом осуществлении этого вопроса. Он спросил мнение Сталина об опеке над Кореей, осуществляемой советскими, американскими и китайскими представителями, и предложил при необходимости сохранять ее в течение двадцати или тридцати лет с целью подготовки страны к самоуправлению. Сталин сказал, что чем короче будет этот период, тем лучше. Он поинтересовался, предполагается ли размещение в Корее каких-нибудь иностранных войск. Президент ответил отрицательно, и Сталин выразил одобрение. Тогда президент сказал, что не считает таким уж важным приглашать британцев к участию в опеке над Кореей, но боится их обиды, если их оставить в стороне. Сталин согласился с этим и добавил: «Фактически премьер-министр может нас убить».

Это совпадение идей по Корее не отражено в секретном соглашении или как-то иначе. Никто даже не задумался, согласится ли корейский народ на опеку вместо того, чтобы требовать немедленной независимости.

Ялта: вопросы, связанные с Польшей

По контрасту со своим дерзким желанием разрешить оставшиеся территориальные вопросы на Дальнем Востоке, президент в Ялте осторожно избегал ответственности за решение польского вопроса. Эта проблема мучила Черчилля, тревожила Рузвельта и провоцировала Сталина.

Надежда, с которой премьер-министр уехал из Москвы в октябре, оказалась совершенно тщетной. Расхождение между двумя группами стало еще шире. Люблинская группа относилась к правительству в изгнании (по-прежнему признаваемому Соединенными Штатами и Великобританией) враждебно и пренебрежительно. Советское правительство обвиняло лидеров польского подполья, руководимых из Лондона, в саботаже и убийстве и арестовывало его членов. Командиры Красной армии в Польше и их местные польские друзья отказались позволить британцам и американцам направить в

страну наблюдателей или офицеров связи. Поляки, рассеянные по всему миру, боялись возвращаться или получали отказ во въезде.

Миколайчик, вернувшись из Москвы, тотчас же посоветовался со своими коллегами в Лондоне, принимать или не принимать условия, предложенные Сталиным. Прежде чем принять решение, он снова попытался определить, как далеко зайдет поддержка британского и американского правительств. Он обратился к Черчиллю с серией вопросов:

1. Поддержит ли британское правительство предложенное расширение польских границ на западе, если американское правительство с этим не согласится?
2. Одобрит ли оно расширение границы Польши до Одера, включая Штеттин?
3. Гарантирует ли оно границы и независимость новой Польши?

2 ноября британское правительство ответило, что оно будет поддерживать расширение польских границ на западе и считает, что польское правительство имеет право продлить свою территорию до Одера. Оно охотно даст необходимые гарантии, но только совместно с Советским Союзом.

В личном письме и через своего посла в Вашингтоне Миколайчик добивался от Рузвельта ответов на эти вопросы, умоляя его вступить перед Сталиным за Львов и нефтяные промыслы. Государственный департамент побуждал президента высказаться от имени американского правительства по обсуждаемым вопросам. Договорились, что Гарриман, которому предстояло возвращаться из Вашингтона в Москву через Лондон, передаст Миколайчику письмо, в котором будет обрисована позиция американского правительства, и в то же время скажет, что если он хочет, то он (Гарриман) по возвращении в Москву объяснит Сталину, почему президент считает, что Львов следует оставить Польше. Тут уместно привести высказывание Хэлла, что политика Рузвельта заключалась в том, чтобы «...не класть Соединенные Штаты на постель из крапивы».

Письмо, подписанное Рузвельтом, было сочувственным по тону, но осторожным в обещаниях. В нем снова утверждалось, что правительство Соединенных Штатов твердо стоит за сильную, свободную и независимую Польшу и оно не будет возражать против любого соглашения, которого польское, советское и британское правительства достигнут по будущим границам Польши, в том числе имея в виду и обещанную компенсацию от Германии. Но в нем не было обещания гарантировать границы, установленные при таких вынужденных обстоятельствах. Настоящая позиция объяснялась тем, что на организацию безопасности, спланированную в Думбартон-Окс, будет возложено наблюдение за сохранностью установленных границ.

Прежде чем отдать это письмо Миколайчику, Гарриман показал его Черчиллю и Идену. Те сочли, что оно сможет прояснить ситуацию. Затем, 22 ноября, он передал его Миколайчику, который впал в пессимизм и со страхом наблюдал события в Польше, где влияние коммунистов на люблинский комитет и даже на его лондонское окружение становилось все более заметным. Он заявил Гарриману об убежденности в том, что не сможет получить достаточной поддержки своей программы примирения с советским правительством и люблинскими поляками. Его помощники, объяснил он, уверены в склонности советского правительства к насаждению в Польше коммунизма; он намерен ждать окончательного освобождения Польши, чтобы организовать в стране сопротивление против господства русских, и надеется, что в недалеком будущем Россия под влиянием американцев и британцев позволит польскому народу выбрать собственное правительство. Поэтому он считает несправедливым просить президента пытаться склонить Сталина к компромиссу по Львову, а также месторождениям нефти и поташа.

Миколайчик фактически решил устраниваться от дел. Позже он так выразил свои чувства: «Мы находимся все в большей изоляции. „Большая тройка“ или открыто, или скрыто смотрит на нас как на нарушителей их единства... Мой кабинет чувствовал, что я пошел на значительные компромиссы, хотя я им объяснил: если все основные державы признают люблинскую группу, они будут отрезаны от польского народа».

Черчилль и Иден понимали, что в данных обстоятельствах им не удастся отговорить

Миколайчика остаться. Американское правительство вздохнуло. Новый кабинет, созданный в Лондоне после отставки Миколайчика, был антисоветским, если не считать премьер-министра Арцишевского, старого лидера социалистов, которого самолетом привезли из Варшавы. И все же американское и британское правительства вынуждены были по-прежнему считать его законным правительством Польши. Однако, если советское правительство решит не признавать его, а полностью признает люблинский комитет, разрыв в коалиции станет заметным и открытым. В это время больше всего боялись проблем на Западном фронте, таких, например, как отчуждающая ссора.

Ввиду угрожающей опасности Рузвельт все же решил глубже изучить проблему Польши. В течение следующих двух недель он несколько раз убеждал Сталина воздержаться от каких-либо значительных решений по польскому вопросу до тех пор, пока они не встретятся втроем. В особенности он просил маршала воздержаться от признания люблинской группы временным правительством Польши. Он подчеркнул, что освобождена пока только малая часть Польши и у польского народа пока нет возможности выразить свою политическую волю. Но советское правительство в последний день 1944 года пошло напролом и сообщило-таки о признании Национального комитета временным правительством.

И президент, и премьер-министр с трудом подавляли свое негодование. Они сполна платили за коалицию и военное сотрудничество с Советским Союзом. Вероятно, ради будущего мира они принимали ситуацию, полные последствия которой скажутся в будущем. Но они были полны решимости не признавать только что созданное временное правительство Польши. Они цеплялись за надежду при встрече убедить Сталина присоединиться к ним и вместе с ними добиваться, чтобы в этом правительстве были шире представлены все слои польского общества и чтобы польский народ имел быстрый и реальный шанс выбрать свое правительство и определить свою конституционную структуру. На этих условиях Черчилль был готов подтвердить принятие границ, очерченных Сталиным в ноябре, а президент, по-прежнему склонный сохранить Львов за Польшей, был готов, если понадобится, уступить.

Что касается бывших жителей обсуждаемых территорий, освобожденных от немцев, советское правительство уже заявило, что все уроженцы мест, находящихся к востоку от границ 1939 года, являются русскими. Американская военная штабная группа полностью придерживалась правила, согласно которому эти «перемещенные лица» принадлежат к той национальности, к которой сами себя относят.

Но в недели, предшествующие Ялтинской конференции, обстановка становилась все мрачнее. До сих пор советское правительство не возражало, чтобы западная граница Польши проходила по Одере, возможно включая города Штеттин и Бреслау. Внезапно появились признаки, что русские собираются отодвинуть эту границу еще дальше на запад. Например, в «Правде» появилась длинная статья министра пропаганды Национального комитета Польши, утверждающая, что новая граница на Одере должна проходить к месту слияния нижней (западной) Нейсе, а затем к югу, по Нейсе, к чешской границе возле города Герлиц. В регионах, которые впервые было предложено уступить Польше, жило несколько миллионов немцев. Их и еще примерно шесть миллионов человек, живущих к востоку от Одера, предстояло переселить в Германию. Если коммунисты будут контролировать Польшу, они будут крепко давить на всю Германию и Западную Европу. Более того, эту границу рано или поздно придется защищать силой. Поэтому, отправляясь в Ялту, президент и премьер-министр не могли знать, с какими новыми требованиями они столкнутся.

Не было часа, чтобы во время конференции не возникал польский вопрос. Он обсуждался и в частных беседах Черчилля, Сталина и Рузвельта; и на групповых встречах министров иностранных дел; и чуть ли не на всех пленарных заседаниях. Он стал испытательным полигоном для идей Запада и коммунистической России – двух

концепций безопасности.

Бесконечный спор всегда вертелся вокруг двух вопросов:

1. Где должны проходить границы Польши? Ответ на этот вопрос определял, сколько жизненного пространства получают польский и немецкий народы.

2. Кто будет руководить Польшей? Ответ на этот вопрос, скорее всего, определял, будет ли Польша независимым государством или зависимой частью советской зоны контроля.

В самой первой беседе по этому вопросу Рузвельт попытался уговорить Сталина немного смягчить позицию в отношении западных границ. Он скорее убеждал, нежели спорил. Он вспомнил, как в Тегеране говорил, что, по его мнению, американский народ одобряет линию Керзона в качестве восточной границы Польши, но, если советское правительство согласится оставить Польше Львов и нефтяные месторождения в этой области, это будет выглядеть очень благородно.

Так зафиксировано в записках Болена. Из записок Мэттьюза об этой встрече создается несколько иное впечатление о замечаниях Рузвельта: «В Соединенных Штатах живут шесть или семь миллионов поляков. Как я говорил в Тегеране, я в основном одобряю линию Керзона... Поляки хотели бы получить Восточную Пруссию и часть Германии. Мое положение на родине укрепилось бы, если бы Советский Союз смог что-нибудь уступить Польше. В Тегеране я поднял вопрос о том, чтобы отдать им Львов. Сейчас последовало предложение отдать им нефтяные месторождения к юго-западу от Львова. Я не делаю определенного заявления, но надеюсь, что маршал Сталин сможет сделать шаг в этом направлении».

Тогда же Черчилль сказал, что, несмотря на критику, британское правительство будет поддерживать линию Керзона, понимая, что после мучений, которые перенесла Россия, защищая себя и освобождая Польшу, ее требование основано не на силе, а на праве. Однако, если Россия великодушно пойдет на уступку, предложенную Рузвельтом, это будет в высшей степени похвально.

Сталин ответил, что советское правительство так же, как британское и американское, полно решимости сделать все, чтобы Польша стала сильным и независимым государством. Она была пограничным государством, захватывая территорию которого Германия за тридцать последних лет дважды нападала на Россию. Это происходило из-за слабости Польши. Он хочет, чтобы в будущем она была сильной и достаточно мощной, чтобы защитить себя собственными силами. Но, продолжил он, предложение президента он принять не может. Советский Союз имеет право на Львов и Львовскую область, находящиеся восточнее линии Керзона. Русские, с пафосом говорил он, в 1919 году не участвовали в определении пограничной линии между Советским Союзом и Польшей. Ее определили лорд Керзон и Клемансо. Русских не пригласили, и линия была установлена против их воли. Ленин противился отдавать полякам Белостокское воеводство на севере, но по линии Керзона оно отошло к ним, и он (Сталин) уже отступил от позиции Ленина. Как он вернется в Москву и посмотрит в глаза людям, которые скажут, что Сталин и Молотов хуже защищают их интересы, чем Керзон и Клемансо? Поэтому он не может согласиться на предложенную модификацию линии. Чтобы удовлетворить Польшу, он скорее продолжит войну, какой бы крови это ни стоило русским, и тотчас же предложил перенести западную границу Польши западнее обеих Нейсе. Американское посольство не ошиблось в предсказании. Уточним, что предложения Миколайчика о западных границах Польши, внесенные в меморандум Государственного департамента и резюмированные в обращении к Ялтинской конференции, переданном 6 февраля, гласили: «...на востоке новая граница должна включать в себя Восточную Пруссию, Данциг, регион Оппельна, регион Грюнберга на левом берегу Одера, а на севере весь правый берег Одера, включая Штеттин».

Это заявление Молотов повторил на следующем заседании конференции, 7 февраля.

Черчилль выступил против дальнейшего расширения западной границы. Польше не следует давать больше земли на западе, чем она может проглотить. «Было бы жаль, – сказал он, – так закармливать польского гуся немецкой едой, чтобы у него случилось несварение».

Многие британцы были шокированы планом вынужденного перемещения множества немцев с переданных территорий. Несмотря на то что расширенные границы Польши включали только Восточную Пруссию и Силезию до Одера, перемещению подлежали бы около шести миллионов немцев. С этим количеством, полагал Черчилль, можно справиться, оставив в стороне моральные соображения.

Как вкратце утверждалось в более позднем отчете Черчилля, «если Польша получит Восточную Пруссию и Силезию до Одера, уже одно это будет означать возвращение шести миллионов немцев в Германию. Это можно было бы осуществить, оставив в стороне моральную сторону вопроса, которую мне придется уладить с моим народом».

Но если линию отнести еще дальше к западу, проблема будет гораздо тяжелее, а оппозиция гораздо сильнее.

Рузвельт не вмешивался в это столкновение мнений. Но после заседания он внес свое предложение в ответ на предложение Молотова. В нем говорилось, что американское правительство не будет возражать, если восточная граница Польши будет установлена по линии Керзона с небольшими изменениями в пользу Польши, предложенными Молотовым. Но, «соглашаясь, что Польша должна получить в виде компенсации от Германии часть Восточной Пруссии к югу от кенигсбергской линии и Верхнюю Силезию до линии Одера, считает неоправданным расширение западной границы Польши до Западной Нейсе».

Вопрос оставался нерешенным, пока три главы государств и их министры иностранных дел вели напряженный спор о создании нового правительства, которое они все смогут признать. Он по-прежнему оставался нерешенным, а перед участниками переговоров возникла дилемма: что нужно, если вообще что-то нужно, записать о границах в декларации по Польше, которая должна была стать частью опубликованного отчета о конференции.

Черчилль считал, что что-то сказать надо, иначе весь мир будет гадать, что за таинственные решения приняла конференция. Он заметил, что тройка договорилась о восточной границе Польши, и признал, что Польша должна получить компенсацию на западе до линии Одера, если этого захотят поляки. Однако, продолжил он, им получено послание от военного министерства, решительно осуждающее любое упоминание о расширении границ Польши на западе, предложенное Сталиным.

Реакция Рузвельта была трудна для понимания его соратниками, как и сейчас непонятна для тех, кто изучает открытые отчеты.

Три группы неофициальных записок позже напечатаны. Одни из них, наиболее систематичные и наиболее загадочные, написаны Боленом, который был переводчиком у американцев, а другие Мэттьюзом и Хиссом, членами американской делегации. Они сжаты и уклончивы; из них ясно только то, что Рузвельт сомневался, сообщать ли что-нибудь по этому вопросу в опубликованном отчете о конференции.

Его колебания видны из следующего заявления: «Я не считаю, что мы должны отражать этот вопрос в коммюнике. Сейчас я не имею никакого права заключать какое-либо соглашение о границах. Это позже должен сделать сенат».

Но Сталин с Черчиллем настаивали. Сталин убеждал, что следует хотя бы намекнуть о соглашении по восточной границе, а Черчилль предложил заявить, что все три державы признают право Польши на значительное увеличение территории и на севере и на западе, но окончательное решение должно быть отложено до обсуждения с поляками.

Президент согласился, но попросил Черчилля изложить это заявление в письменном виде.

Министры иностранных дел отработали текст и представили его для рассмотрения.

Документ был составлен в виде заявления о соглашении между тремя державами. Президент снова объяснил, что не властен принимать подобное официальное обязательство от имени американского правительства, но, чтобы выйти из щекотливого положения, предложил внести три поправки, после чего заявление превратилось в простую констатацию точек зрения трех глав правительств. После этих поправок параграф в декларации о Польше, ставшей частью коммюнике, выглядел так: «Все главы трех правительств считают, что восточная граница Польши должна проходить по линии Керзона с отклонениями в некоторых местах на пять-восемь километров в пользу Польши. Они признают, что Польша должна получить значительное прибавление к территории на севере и на западе. Они считают, что в свое время следует узнать мнение нового польского Временного правительства национального единства о размерах этих прибавлений, поэтому решение вопроса об окончательном определении западной границы Польши следует отложить до мирной конференции».

Русские не сдавались. Молотов настаивал, чтобы последняя фраза звучала так: «Признается, что Польша должна получить значительное прибавление территории на севере и на западе *с возвращением ей прежних границ в Восточной Пруссии и на Одере*».

Рузвельт спросил, давно ли эти земли принадлежали полякам. Молотов ответил: очень давно, но всего однажды!

Президент (смеясь, премьер-министру): «Вероятно, вы хотели бы, чтобы мы тоже вернулись?»

Премьер-министр: «Думаю, вы были бы для нас так же неудобоваримы, как для поляков слишком большие немецкие территории!»

Сталин снял свое предложение.

Таким образом, было решено, что территория Польши будет расширена. Но кто будет руководить страной? Должен ли быть у польского народа свободный и справедливый выбор определить это? К последнему дню, после изнурительных переговоров, конференция пришла к соглашению о формулировке этих вопросов.

Американское и британское правительства понимали, что время для создания коалиции Лондона и Люблина прошло. Единственное приемлемое решение заключалось в создании нового, более представительного временного правительства, которое назначит свободные выборы, как только позволят условия. Рузвельт внес предложение, направленное на осуществление этого плана, и 6 февраля представил его конференции. Оно предусматривало создание, при содействии небольшой группы польских лидеров, правительства, состоящего из представителей пяти польских политических партий. Черчилль использовал всю свою силу убеждения, чтобы поддержать эту программу. Он старался сохранить хотя бы часть лондонской правительственной группы, которая была с Британией в самые тяжелые периоды войны, предложив, чтобы во временное правительство вошли люди доброй воли, такие, как Миколайчик, Грабский и Ромер.

Сталин был вежлив, но в голосе его звучали обвинительные ноты. Он заметил, что Черчилль, по-видимому, ошибается, говоря, что они втроем должны создать в Ялте правительство для Польши, но этого нельзя делать, не посоветовавшись с поляками и не получив их согласия. Однако примирить лондонское правительство с люблинской группой будет трудно, потому что лидеры временного правительства не пожелают говорить о слиянии с лондонской группой. И все же он готов поддержать любые попытки добиться единства, лишь бы они имели успех. Не попросить ли им люблинских поляков приехать сюда (в Ялту), или лучше встретиться с ними в Москве?

После своего первого выступления президент воздерживался от долгих дебатов по этому вопросу, в которые втянулись Черчилль со Сталиным и которые я обозначил лишь краткими штрихами. Но как только встреча закончилась, президент, посоветовавшись с Черчиллем, направил письмо Сталину. Он вновь подтвердил твердую решимость не допустить, чтобы польский вопрос вбил клин в их отношения. Это подразумевало, что в

качестве следующего шага они могли бы пригласить в Ялту глав люблинского комитета и двух-трех человек, представляющих различные слои польского общества. выбранных из списка, приложенного к письму. Тогда он, Сталин и Черчилль могли бы посоветоваться с этой небольшой группой о том, как организовать новое временное правительство, и, вероятно, совместно с нею прийти к соглашению о предполагаемом правительстве, которое «должно включать в себя некоторых польских лидеров из-за границы, таких, как господин Миколайчик, господин Грабский и господин Ромер». Тогда американское да и британское правительства будут готовы рассмотреть со Сталиным условия, на которых они выйдут из лондонского правительства, и будет признано новое временное правительство. Наконец, президент считал необходимым оговорить, что любое временное правительство, сформированное подобным образом, должно обещать как можно скорее провести в Польше свободные выборы.

Сталин пытался связаться с лидерами люблинского комитета до следующего заседания конференции 7 февраля, но не смог дозвониться. Докладывая об этом, он выразил сомнение, что удастся вовремя наладить контакты с остальными поляками, чтобы пригласить их в Ялту. Все согласилось: провести необходимые консультации с поляками в Ялте не удастся, и придется сделать это позже. После этого конференция до самого конца занималась обсуждением, как следует проводить эти консультации с поляками.

Должно ли новое временное правительство быть просто расширенным вариантом люблинского комитета, выделив места нескольким именитым полякам, живущим как в Польше, так и за границей? Именно этого добивались Сталин и Молотов. Или оно должно быть полностью обновленным, состоящим из нескольких членов существующего временного правительства, представителей демократических организаций, еще существующих в Польше, и польских демократических лидеров, проживающих в данный момент за границей? Этому добивались Рузвельт, Черчилль и их советники. По сути, решался важнейший вопрос: кто будет контролировать Польшу?

Правда и неправда, факты и чувства – все было брошено в противников при последующей дискуссии. Черчилль заявил: если польское правительство в Лондоне будет полностью игнорировано, британский народ придет в ярость, а многочисленные поляки, сражающиеся в небе Британии и на Западном и Итальянском фронтах, сочтут себя преданными. Британское правительство, заключил он, может говорить о признании только в том случае, если всем будет предоставлено право работать на более или менее равных условиях, а за этим последуют справедливые выборы. Сталин говорил от имени поляков, которые оставались в своей стране и разделили страдания и «великий праздник освобождения» со своим народом. Он выразил острую потребность Советского Союза в стабильном и дружественном правительстве за спиной Красной армии, пробивающей себе дорогу к Берлину.

Но самым убедительным доводом Сталина и Молотова стало заключение, что разногласия касаются вопроса о составе правительства, которое будет существовать лишь короткий период, до того момента, когда будет освобождена вся Польша и можно будет провести всеобщие выборы. Как долго, спросил президент Сталина 8 февраля, по его мнению, продлится этот период? Сталин ответил так: «Примерно месяц, если не случится катастрофы на фронте и немцы нас не уничтожат». И затем, с усмешкой: «Не думаю, чтобы это произошло».

Молотов и Сталин возвращались к этому вопросу при каждом удобном случае. В конце концов, если новое временное правительство так скоро должно уступить место избранному, так ли важно продолжать споры? Чтобы проследить продолжающуюся дискуссию о формулировках, точном выборе условий и фраз, нам придется провести утомительное расследование различных отвергнутых проектов. Полагаю, достаточно отметить тот факт, что исправленное предложение, представленное на рассмотрение американцами 9-го числа, выглядит так: «Нынешнее временное правительство Польши будет признано полноценным самостоятельным правительством, если оно будет

сформировано на основе всех демократических сил, проживающих как в Польше, так и за границей, и будет названо Временным правительством национального единства».

А формулировка, с которой покорно согласились Черчилль и Рузвельт, гласила: «Временное правительство, функционирующее сейчас в Польше, должно впоследствии быть реорганизовано на более широкой демократической основе с участием демократических лидеров, живущих как в самой Польше, так и за границей. Это новое правительство должно быть потом названо Польским правительством национального единства».

Президент и премьер-министр невольно уступили Москве, согласившись на господство в Польше элементов, поддержанных СССР. Ведь эта формулировка оставляла у власти существующее временное правительство Польши, хотя в него и входили другие элементы. Насколько ясно это понимали и те и другие, точно установить нельзя. Вряд ли они ошибались, сознавая, что советское правительство сможет утверждать, как позже это сделал Сталин, что «там [в Ялте] мы все трое, включая президента Рузвельта, предполагали, что польское временное правительство, действующее теперь в Польше и пользующееся доверием и поддержкой большей части польского народа, должно быть ядром нового правительства национального единства».

Если они предвидели, что советское правительство может так интерпретировать эту двусмысленную формулировку, выбор перед ними встал тяжелейший. Если они покинут Ялту, не придя к соглашению, что помешает люблинской группе при помощи Советского Союза захватить неограниченный контроль? И что станет с перспективой свободных и беспрепятственных выборов сразу же по окончании войны? По этому вопросу Черчилль и Рузвельт дали абсолютно твердые и ясные обещания. Текст, о котором все договорились, устанавливал, что до признания реорганизованного временного правительства с него «возьмут обещание как можно скорее провести свободные и независимые выборы на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования. Все демократические и антифашистские партии будут иметь право принимать участие в этих выборах и выдвигать своих кандидатов».

От этого обещания будет зависеть, останется ли у польского народа хоть какой-то шанс свободно выбирать свое правительство и определять свою национальную политику.

Но какой ценой это будет достигнуто? Возможно ли, чтобы временное правительство, в котором заправляли коммунисты, позволило бросить себе вызов и, вполне вероятно, отстранить себя от власти путем выборов, проведенных по западному образцу? Единственной эффективной гарантией было бы обеспечение международного наблюдения за выборами от начала до конца. Но сразу стало очевидно, что Сталин отклонит любое подобное предложение, как ненужное и оскорбительное. Идея, предложенная Черчиллем и Сталиным, была более уважительной: временному правительству должно быть лишь поставлено условие, чтобы «послам трех держав в Варшаве было поручено наблюдать и докладывать своим правительствам о выполнении обещания относительно свободных и независимых выборов».

Сталину и Молотову не понравилось даже это. Они возражали на том основании, что поляки – они не уточнили, какие именно поляки, – будут оскорблены.

Рузвельт, по-видимому, решил, что бесполезно или почти бесполезно продолжать дебаты о возможном наблюдении за выборами. В его ответах во время официальной дискуссии по этому вопросу 9 февраля, по-моему, чувствуется нетерпение поскорее закончить спор.

Черчилль всерьез принялся ходатайствовать о сохранении первоначального предложения американцев. В частном разговоре со Сталиным, состоявшемся в последнюю минуту до заключительного пленарного заседания 10-го числа, он пытался добиться у него хотя бы гарантий того, что трем послам в Варшаве будет позволено свободно передвигаться по Польше, чтобы выяснять, что происходит. Сталин сказал, что советское правительство не будет им мешать, напротив, он даст Красной армии

необходимые указания. Но, добавил он, пожав плечами, этот вопрос надо уладить с польским правительством.

Коротенький пункт, замененный предложением американцев по этому вопросу, был неэффективным. В нем лишь оговаривалось, что, когда новое временное правительство будет признано, государства обменяются послами, «...которые будут докладывать своим правительствам о ситуации в Польше».

Черчилль, рассказывая позже о своей беседе со Сталиным по этому вопросу, кратко записал: «Это самое большее, чего я мог добиться».

Но шансов возобновить спор в другое время все равно было мало. Продолжить дебаты и выработать гарантии, которые не были выработаны в Ялте, обязали американского и британского послов в Москве. Для этого им предстояло встретиться с Молотовым, как председателем комитета.

Ялта: вопросы, связанные с Германией

Немцы под руководством своего злобного фюрера продолжали отчаянную борьбу. Казалось, они будут сопротивляться, пока земля не разверзнется под ними и поглотит их. Они переживали великие поражения в прошлом, переживут и это! Какие меры, допустимые современным сознанием, исключают возможность того, что они поднимутся из руин и снова бросятся в бой?

Все трое глав государств утверждали, что именно этой целью, а не жестокой мстью следует руководствоваться при принятии решений по Германии. Они единодушно решили, что Гитлер, его приспешники, правительство и сам строй жизни фашистской Германии должны быть уничтожены, а требование наказания военных преступников и выплаты Германией репараций вполне оправдано. При обсуждении возникли разногласия по вопросу, насколько жестко нужно действовать, чтобы ослабить Германию и утихомирить немцев. Однако все-таки был достигнут значительный прогресс в деле заключения соглашения о том, что предстоит сделать с этим главным, страшным, ненавистным врагом.

Соглашение по процедуре капитуляции было заключено быстро. Ее основные положения настолько известны, что их можно просто перечислить. Германия должна подписать безоговорочную капитуляцию. Это означало, что во всех сферах своей деятельности она обязана подчиняться приказам Организации Объединенных Наций. Весь военный потенциал Германии в кратчайшие сроки должен быть уничтожен, а военное оружие или передано союзникам, или тоже уничтожено. Национал-социализм как режим, политическая партия или политическая идея должен быть стерт с лица земли. Немецкому народу надлежало принять любые навязанные ему меры по строительству новой жизни.

Почти так же быстро было заключено соглашение о распределении зон контроля над Германией после ее капитуляции. Основные положения были выработаны предварительно. Верховную власть в Германии должны осуществлять американский, британский и советский командующие, каждый в своей зоне оккупации, но координируя свои действия. Им предстояло действовать вместе, как контрольному органу, названному Контрольным советом. В функции совета входило:

1. Обеспечение единообразия действий во всех зонах.
2. Составление планов и решений, касающихся Германии в целом, на основании указаний, полученных каждым командующим от своих правительств.
3. Осуществление контроля за немецкой центральной администрацией.
4. Осуществление управления Большим Берлином.

Для принятия решения советом требовалось единодушное согласие. Так, если правительства не смогут договориться по основным политическим вопросам, решение принимал не совет, а командующие оккупационных зон.

Зоны оккупации Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза были установлены, но не закреплены официальными документами. Перед тройкой встал вопрос о выделении зоны оккупации для Франции, введя ее четвертым членом Контрольного совета. Договорились, что советская зона пересмотру не подлежит, а зона для Франции должна быть выделена за счет американской и британской зон. Президент, как уже было сказано, был не против выделения Франции зоны оккупации. В своем первом разговоре со Сталиным и Молотовым до открытия заседания конференции он был настроен благодушно. Он упомянул, что хотел бы, чтобы Соединенные Штаты оккупировали северо-западную зону Германии, потому что тогда не придется зависеть от связей через Францию. Но он уступил британцам, несмотря на то что те, похоже, хотели, чтобы Соединенные Штаты сначала восстановили порядок во Франции, а затем передали контроль над ней Британии. Сталин, вероятно, к тому времени уже научился понимать истинный смысл саркастических замечаний Рузвельта об уловках Черчилля. Его ответ прозвучал в форме вопроса: действительно ли президент считает, что Франции следует предоставить свою зону оккупации? Президент ответил, что идея неплохая, но осуществлена она будет лишь по доброте душевной. Сталин помотал головой, словно соглашаясь с этим.

На заседании, состоявшемся на следующий день, 5-го, и Черчилль, и Рузвельт выступили за предоставление Франции зоны оккупации. Премьер-министр заявил, что это очень важно для Британии. Франция не только ближайший сосед Германии на Западе, но и единственный сильный союзник, на которого может рассчитывать Британия. Она должна стоять на страже слева от Германии, чтобы призрак Германии больше не возник перед британскими портами в Ла-Манше. Рузвельт, продолжил он, ясно дал понять, что Британии не следует рассчитывать на американские силы, остающиеся в Европе на неопределенное время. На это президент ответил, что «он не уверен, что американские войска останутся в Европе дольше, чем на два года... Он чувствует, что сможет добиться поддержки конгрессом и всей страной любых разумных мер, которые будут гарантировать будущий мир, но не уверен, что это распространится на сохранение в Европе значительных американских сил».

Следует заметить, что на более позднем заседании конференции. в другой связи, президент внес поправку в свое заявление. Он объяснил, что сделал это заявление, учитывая сиюминутные настроения американцев. Но если будет создана международная организация в духе Думбартон-Окс, американский народ с гораздо большей готовностью примет участие в международной деятельности.

Сталин почти до конца конференции продолжал сопротивляться выделению Франции зоны оккупации. Он считал, что, если ей будет выделена зона, будет сложно отказать в этом другим странам, которые внесли больший вклад в достижение победы и больше пострадали от немецкого нашествия. Но, объяснил он, по-настоящему его беспокоит не выделение Франции зоны, а связанное с этим предложение предоставить Франции место в Контрольном совете. Дело в том, предполагал он, что из-за этого совету будет труднее вести свои дела; у Франции появятся свои интересы, и она захочет заключать сделки в свою пользу. Поэтому он предложил согласиться выделить Франции зону, но не вводить ее в состав Контрольного совета.

Рузвельт охотно поддержал это предложение. Но Черчилль и Идеи утверждали, что оно не принесет желаемого эффекта и Франция может доставить больше неприятностей, не будучи членом совета. А в конце Рузвельт передумал. На последнем пленарном заседании он заявил об этом, объяснив, что, если Франции предоставить и зону. и место в совете, будет легче заставить де Голля признать другие соглашения, достигнутые в Ялте, например, присоединиться к декларации об освобожденной Европе. Сталин, и так получив очень многое из того, чего он хотел в отношении Польши, уступил.

Были подготовлены совместные сообщения, информирующие де Голля о

предоставлении Франции равной доли в оккупации и контроле над Германией. Он остался доволен и, вероятно, несколько успокоился. Дело в том, что генерал был огорчен тем, что его не пригласили принять участие в Ялтинской конференции, оскорбив тем самым достоинство Франции и не приняв во внимание ее интересы. Чтобы показать свое негодование, он не ответил на приглашение президента встретиться с ним в Алжире после окончания Ялтинской конференции.

Округ Большого Берлина находился почти в центре советской зоны оккупации. Согласно тексту соглашения о механизме контроля, управление в нем должна была осуществлять совместная комендатура, состоявшая из комендантов, назначенных командующими зон. Чтобы работать в Берлине, американцам, британцам и французам требовался бы беспрепятственный проезд в город из их зон через советскую зону. Но, как уже было сказано ранее, Военный департамент (или, вернее, одно из его отделений) не считал необходимым определить пути доступа в Берлин в протоколе о зонах оккупации. По его мнению, это лучше могли сделать командующие зонами, когда появятся сведения о состоянии шоссейных и железных дорог. Вопрос повис в воздухе.

В Ялте составители планов из Объединенного комитета начальников штабов рекомендовали направить британскому и советскому генеральным штабам следующие меморандумы:

«Войска Соединенных Штатов в Берлине и некоторых других местах будут изолированы от основных американских зон оккупации территориями, занятыми другими войсками. Понадобится регулярный транзит через эти территории по автомобильным трассам, воздуху и железной дороге. Начальники штабов Соединенных Штатов предлагают принять в качестве основного принципа свободу транзита для каждой нации, части зон которых находятся внутри чужих зон оккупации, и войск, оккупирующих Берлин и такие же изолированные регионы. Детали предлагается отработать командующим зонами».

Объединенный комитет начальников штабов обсудил возможность принятия подобного решения со своими британскими и советскими коллегами как временной военной меры до заключения основного соглашения по транзиту в Европейском консультативном комитете. Британцы немедленно согласились с этим предложением, но советский штаб тянул с ответом. Вопрос остался нерешенным.

Это неполный отчет о том, что случилось в Ялте и в месяцы между Ялтой и взятием Берлина. Но это все, что я смог почерпнуть из открытых отчетов без интенсивного исследования и консультаций.

После переполоха, который наделал план Morgenthau, Рузвельт и Черчилль охотно предоставили времени успокоить страсти, прежде чем снова попытаться решить, как распорядиться экономикой и всем существованием Германии. В Ялте тройка пыталась выработать общую политику, с тем чтобы проводить ее во всей Германии.

Они договорились, что немцам надо позволить самим заботиться о себе. С ними не следовало обращаться как с подопечными; оккупационные власти не должны чувствовать себя обязанными обеспечить уровень жизни выше, чем в военное время, и необходимый для предупреждения болезней и беспорядков. Все согласилось, что будет справедливо, если немцы ограничатся таким же уровнем жизни, что и у других европейских народов, которым они принесли столько страданий. Но британцы были больше других заинтересованы в сохранении немецкой экономики, которая вскоре дала бы немцам возможность обеспечить себе более высокий уровень жизни. Русские были готовы рассматривать вопросы немецкой экономики не с точки зрения обеспечения благосостояния немецкого народа, а с позиции обязательной выплаты репараций и

лишения Германии способности в будущем вести войны.

Отвергнув решительный план Morgenthaу, американское правительство по-прежнему считало, что контроль следует использовать для того, чтобы сократить объем многих отраслей немецкой промышленности, а некоторых, таких, например, как производство синтетического масла и резины, и вовсе прекратить. Британское правительство, на которое, ввиду расположения британской зоны оккупации, ложилась основная ответственность за проведение этой политики, находилось в замешательстве. Оно колебалось из тех же соображений, что и американское правительство, кроме того, на повестку дня выходил вопрос о безработице. Оно также боялось реакции других европейских стран, которым понадобится немецкая продукция. Советское правительство готово было без угрызений совести уничтожить некоторые или все отрасли немецкой тяжелой промышленности. Его, конечно, не пугала возможность того, что, если немцы останутся без промышленного фундамента, страна легче найдет общий язык с коммунистическим режимом на Востоке. Но было решено сохранить объем тех отраслей, продукция которых понадобится для восстановления народного хозяйства России.

В конечном счете, не было сделано ни одной попытки определить приемлемый уровень немецкой промышленности и какие отрасли или разделы надо запретить. Вот что было сказано в окончательном отчете конференции: «Мы полны решимости... уничтожить или контролировать всю немецкую промышленность, которая может быть использована для военного производства».

Теперь все интересы были сосредоточены на репарациях, которые следует получить от Германии. И здесь выявилось различное отношение к ним со стороны союзников. Американское правительство не требовало никаких репараций, кроме удержания немецких активов в банках Соединенных Штатов и, возможно, поставок некоторого сырья. Британское правительство требовало и надеялось получить кое-какое немецкое оборудование и немецкие товары, которые позволят Британии быстрее ликвидировать ущерб, нанесенный войной. Но оно было готово согласовывать свои потребности с высшими политическими соображениями. Советское правительство добивалось очень больших репараций. Оно не только хотело, но и твердо решило их получить и готово было использовать для этой цели любые меры давления. Но даже и тогда – и это неоднократно подчеркивалось – все, что можно получить от Германии, никоим образом не возместит ущерба, который Германия нанесла Советскому Союзу и его народу.

Все согласились, что вопрос нуждается в более специальном и детальном изучении, чем могла позволить короткая встреча в Ялте. Было решено поручить это Комиссии по репарациям, которая в самое ближайшее время начнет работать в Москве. Поэтому соглашение, выпущенное в Ялте, касалось только определения принципов работы этой комиссии.

Советское правительство взяло инициативу в свои руки. Оно предложило потребовать от Германии репараций не только деньгами, но и натурой – трудовой повинностью, которую должны будут нести немцы. Отчасти оплата может быть осуществлена путем изъятия у Германии и передачи странам-реципиентам фабрик, техники, кораблей, железнодорожного оборудования, электростанций и тому подобного. Все это должно быть выбрано с учетом следующих целей: а) уничтожение всех отраслей промышленности, продукция которых может быть использована в военных целях; и б) сокращения в пять раз объема остальных отраслей немецкой тяжелой промышленности. Эти манипуляции должны были быть выполнены в течение двух лет после окончания войны. Остальные выплаты по репарациям должны были быть осуществлены в течение десяти лет путем поставок товаров, производящихся ныне в Германии. С целью гарантий, что эти товары производятся и поставляются, план, предложенный Советским Союзом, предусматривал англо-советско-американский контроль над немецкой экономикой и непосредственно над предприятиями, работающими на репарации.

Советское правительство предложило установить общую сумму репараций, требуемую в двух формах, в двадцать миллиардов долларов, из которых половина должна достаться Советскому Союзу. Кроме того, оно заявило, что потребует труда и услуг немцев по перевозкам оборудования в Советский Союз для восстановления разрушенных регионов. Черчилль и Иден возражали, ссылаясь на то, что это огромная сумма, которую невозможно собрать. Они заявили, что, если так сильно сократить немецкую промышленность, это повлечет за собой нищету, а возможно, и голод. Они предупреждали, что, если план Советского Союза будет претворен в жизнь, Соединенным Штатам и Великобритании снова, как и после прошлой войны, придется обеспечивать немцам средства к существованию; по сути, это будет означать, что другие страны будут выплачивать Советскому Союзу репарации за Германию. Фактически они настаивали, чтобы в Ялте не принималось никакого решения о полной сумме репараций, а также о сокращении сроков выплаты.

В заключительной дискуссии по этому вопросу (на седьмом и последнем пленарном заседании конференции) Молотов и Майский не смогли преодолеть сопротивления британцев, и в спор вступил сам Сталин. Он утверждал, что немцы могут выплатить все, что требует Советский Союз, сохранив свой уровень жизни не ниже, чем в странах, расположенных к востоку от них. Этот вывод поддерживала впечатляющая статистика, предварительно представленная Майским. В отличие от метода сбора репараций, принятого в конце прошлой войны, советский план не будет включать затруднительных денежных перечислений. Советское правительство, что бы ни делали другие, будет получать свою долю напрямую. Его подозрение, что Британия на самом деле хочет, чтобы после войны Германия осталась сильной, вероятно возбужденное ее прохладным отношением к расчленению страны, о чем мы еще упомянем впереди, выразилось в саркастическом замечании, что если британцы считают, что русские вообще не должны получить репараций, то лучше заявить об этом откровенно.

Сталин продолжал настаивать, чтобы конференция решила, что московская комиссия должна определить сумму и принять во внимание американско-советское предложение о сумме репараций в двадцать миллиардов долларов, из которых пятьдесят процентов достанется Советскому Союзу. Или, как советский лидер немного позже выразился во время дискуссии, «...они подготовили только условную цифру, которую надлежит взять за основу при обсуждении, а комиссия в Москве может ее уменьшить или увеличить». Записки Болена зафиксировали, что в заявлении Сталина содержался еще более сильный намек на то, что вопрос о сумме действительно оставался открытым: «Московской комиссии по репарациям дано задание обсудить сумму, положенную к выплате. Мы представляем на рассмотрение комиссии наши цифры, а Вы Ваши (Черчиллю)».

Трудно сказать, было ли оправдано называть это американско-советским предложением, потому что комментарии американцев по этому вопросу все время менялись. Когда оно впервые обсуждалось министрами иностранных дел, двусмысленные замечания Стеттиниуса, казалось, подразумевали принятие идей Советского Союза. Но перед лицом этих противоречивых аргументов Рузвельт на последнем заседании предложил оставить этот вопрос для рассмотрения комиссией в Москве. Затем, когда Сталин усомнился, означает ли это, что американское правительство передумало и больше не согласно с предложением Советского Союза, президент ответил полным согласием: американское правительство полностью готово обсудить сумму и принципы.

Рузвельта можно простить за приверженность нескольким мнениям одновременно. Дело в том, что после слов о возможности изменения названной суммы репараций Московской комиссией, произнесенных Сталиным, он сам пребывал в замешательстве.

В конце концов Рузвельт согласился на эту широкую формулу: возможно, потому, что полагал, что это оставляет вопрос достаточно открытым для будущего рассмотрения; а может быть, из-за записки, переданной ему Гопкинсом во время обсуждения: «Господин

президент, русские настолько сдали свои позиции на этой конференции, что нам не следует ставить их на место. Пусть британцы, если хотят, не соглашаются и продолжают не соглашаться в Москве. Проще говоря, это все имеет отношение к Комиссии по репарациям, протоколы которой покажут несогласие британцев с любыми упоминаниями о 10 миллиардах. *Гарри*».

Вопрос решили именно таким образом, и в протоколе, одобренном сторонами, появились строки:

«Принимая во внимание определение как общей суммы репараций, так и ее распределение между странами, пострадавшими от немецкой агрессии, советская и американская делегации пришли к следующему соглашению.

Московская комиссия по репарациям при первоначальном рассмотрении должна принять за основу предложение советского правительства, что общая сумма репарации... должна быть 20 миллиардов долларов, из которых пятьдесят процентов должны быть выплачены Союзу Советских Социалистических Республик.

Британская делегация считает, что на предстоящем обсуждении вопроса о репарациях Московской комиссией не должны упоминаться никакие суммы репараций.

Вышеприведенное советско-американское предложение было передано в Московскую комиссию по репарации в качестве одного из предложений, представленных на рассмотрение комиссии».

Еще один пункт соглашения по репарациям должен быть отмечен даже в этом упрощенном и сжатом отчете. Он гарантировал, что в репарации, требуемые от Германии, следует включить «использование немецкого труда». Сталин и Молотов объяснили, что они имели в виду только использование двух-трех миллионов немцев для восстановительных работ в Советском Союзе в течение десяти лет. Эти рабочие должны быть выбраны, прежде всего, из наименее крупных военных преступников, затем из активных нацистов, а затем из безработных.

Во время последнего обеда, 10 февраля, когда завершался очередной круг тостов, Сталин сделал попытку улучшить свои шансы на получение репараций. В ходе благоприятной беседы за столом он пожаловался на исход их дискуссии, сказав, что боится по возвращении в Советский Союз рассказать советскому народу, что он не получит никаких репараций из-за того, что британцы были против. Черчилль не упустил благоприятного случая. Он мягко ответил, что, напротив, он надеется, что советский народ получит большие репарации. Сталин намекнул, что ему бы очень помогло, если бы в публичном заявлении, которое будет опубликовано, содержались какие-нибудь гарантии на этот счет. Молотов произнес целую тираду, краткое содержание которой таково: «Мы обсудили вопрос ущерба, причиненного Германией союзным нациям в этой войне, и признали справедливым обязать Германию возможно полнее компенсировать его». Это было одобрено без изменений. Но что будет «возможно», зависело от того, будут ли Соединенные Штаты, как прежде, поддерживать немецкий народ, пока он будет выплачивать репарации, а также от того, как державы-победительницы решат другой первостепенный вопрос – разделять Германию на несколько отдельных государств или нет?

Все соглашения, достигнутые в Ялте, основывались на той предпосылке, что Германия останется единым государством, площадь которого будет уменьшена путем корректировки его границ. Но идея разделения Германии на несколько государств была еще жива.

Со времени согласованного отказа от программы, парафированной в Квебеке, Черчилль и Рузвельт постоянно пребывали в состоянии неуверенности в правильности

принятого решения. В октябре Черчилль вкратце обсудил со Сталиным различные варианты разделения Германии, в том числе и образование Конфедерации Дунайского бассейна. Но поскольку эта беседа была всего лишь промежуточным обменом мнениями и все выводы остались открытыми до встречи троих, этим отчетом можно пренебречь.

Сталин произвел эффект, внося эту проблему на рассмотрение в Ялте. Пока был задан только один вопрос: что предлагает тройка теперь? Черчилль сказал, что британское правительство в принципе по-прежнему склонно поддерживать разделение. Он лично считает, что изоляция Восточной Пруссии и ее ослабление устранят главное зло и что государство Южной Германии и, вероятно, правительство в Вене смогут обозначить линию главного разделения. Но он был озадачен и напуган многочисленными глубинными проблемами, которые предстояло обсудить до принятия какого-либо окончательного решения. Разумеется, такой вопрос нельзя было полноценно обсудить за те немногие дни, которые им осталось вместе провести в Ялте; на кон была поставлена судьба восьмидесяти миллионов человек, а это требовало более чем восьмидесяти минут обсуждения. Кроме того, сказал он, похоже, нет никакой необходимости решать вопрос прямо здесь и сейчас, лучше подождать, когда Германия будет оккупирована, а уже потом принимать решение.

Рузвельт, намеренно или нет, начал с расплывчатых фраз. Казалось, он был склонен согласиться с мнением Черчилля, что с решением можно подождать до тех пор, пока не будет ясно фактическое положение Европы в конце войны. Некоторые моменты в его замечаниях заставляют думать, что он действительно считал правильным подождать, пока ответы на вопросы, разделять Германию до режима оккупации или во время него или не разделять вовсе, а если разделять, то как, решатся сами собой. Но он высказал свое личное мнение, что хорошо бы разделить Германию на пять или семь частей, чтобы исключить возможность нового нарушения мира в Европе.

Сталин искал решения здесь и сейчас. Присоединяясь к последнему замечанию Рузвельта, он открыто заявил, что они все трое в основном придерживаются одного мнения. Поэтому он предложил записать в соглашении, что Германия должна быть разделена, и дать указание министрам иностранных дел отработать его в деталях. Далее он предложил, чтобы предотвратить сопротивление немцев такому решению, добавить статью в условия капитуляции, подтверждающую это намерение. Но, делая это, он, похоже, считал, что капитулировать обязан немецкий народ. Хотя Черчилль возражал, что в этом нет необходимости, поскольку условия капитуляции дадут союзникам неограниченную власть и силу, это было записано.

Главы государств быстро согласились со следующей поправкой к статье 12 по механизму капитуляции: «Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик будут обладать верховной властью в Германии. Осуществляя эту власть, они предпримут те шаги, включая полное разоружение, демилитаризацию и *разделение* Германии, которые сочтут необходимыми для обеспечения будущего мира и безопасности».

Но попытки определить, как изложить процедуру разделения, потерялись в запутанности предмета. Поэтому эта работа была поручена комитету, состоящему из Идена, как председателя, и послов Уинанта и Гусева. Этой группе предстояло обсудить желательность ввода в ее состав французского представителя.

Если Сталин в своем страстном желании разделить Германию или Черчилль в своих колебаниях по этому вопросу и подразумевали влияние такого решения на режим власти, то есть прикидывали, в каких сферах будут преобладать коммунисты, а в каких – западные демократии, они этого не сказали. Да и Рузвельт не высказывал таких широкомасштабных соображений.

Расставшись в Ялте, лидеры трех государств чувствовали, что они сделали все необходимое для того, чтобы определить, как нужно поступить с Германией в период капитуляции и последующего контроля. Сталину, конечно, хотелось, чтобы русские

обосновались в этой стране глубже и надолго. Но Черчилль не мог этого допустить. Он не считал, что программу на неизвестное будущее обеспечит холодная и твердая решительность. Прежде чем началась конференция, он объяснил Идену почему. Приведем его слова в точности: «Ошибочно записывать на маленьких листках бумаги, каковы будут многочисленные эмоции оскорбленного и дрожащего мира или сразу после окончания борьбы, или когда за жарой последует неизбежный холод. Эти ужасающие приливы чувств господствуют над умами большинства людей, и независимые фигуры имеют тенденцию становиться не только одинокими, но и бесполезными. Решение этих светских вопросов гарантировано нам только шаг за шагом или, в крайнем случае, с опережением на шаг-другой. Поэтому разумнее всего отложить принятие решения как можно на более долгое время, до тех пор пока не станут очевидными все факты и силы, которые можно задействовать».

Рузвельт колебался между противоположными позициями. Он говорил так, словно хотел быть беспощадным по отношению к Германии до тех пор, пока нужно будет поддерживать ее сдержанной, если не смиренной. Но из его ответов создается впечатление, что он устал от груза этой проблемы и не был уверен, захочет ли американский народ принять на себя постоянную ответственность и терпеть бесконечные расходы на длительный контроль над Германией.

Соглашение, заключенное в Ялте, успешно служило своим самым непосредственным целям – поддерживать согласованность военных действий против Германии до тех пор, пока не будет выиграна война, и заставить Германию капитулировать. Выработают ли три великие державы-победительницы общую политику, способствующую достижению этих целей, и будут ли на самом деле соблюдать ее, представлялось сомнительным.

Ялта: более мелкие государства Европы

В те краткие периоды, когда внимание глав государств отвлекалось от более важных проблем стратегии и миротворчества, они обсуждали неулаженные ситуации в малых государствах, и согласие в этих вопросах давалось им нелегко.

Из всех стран самой спокойной была Италия. Она постепенно выбиралась из бедствий войны. Немцы еще занимали северные провинции и удерживали крупные северные промышленные города. Правительство, коалиция из шести основных политических партий, с каждой неделей становилось слабее. Соперничество и конфликты между ними делали неизбежной дальнейшую реорганизацию; а предложения по переменам вызвали острые трения между Черчиллем и Государственным департаментом, которые ко времени начала Ялтинской конференции удалось несколько сгладить.

Контрольная комиссия ослабляла свои ограничения и требования. Но, по мнению американского правительства, которое разрабатывало планы изменения статуса Италии на статус сотрудничающего союзника, она делала это недостаточно быстро. Британское правительство, по-прежнему помнящее о том, как эта страна отвернулась от него в самый опасный момент, не собиралось ни забывать, ни прощать. В Ялте члены Государственного департамента и министерства иностранных дел обсудили разногласия в точках зрения и выяснили, что они касались только степени реорганизации и времени ее проведения. Президент перед отъездом из Ялты направил Черчиллю письмо, в котором выразил радость, что это так. В то же время он настаивал на необходимости быстрее покончить с «нынешним полурабским состоянием Италии». Он объяснил, что слишком долгое промедление даст смутьянам шанс сыграть на отчаянии. В заключение президент дал согласие выделить Италии и материальную, и духовную пищу и подчеркнул, что хочет, чтобы Черчилль знал, что он всегда готов сотрудничать с ним и в Италии, и в других

местах. Черчилль ответил, как всегда, великодушно.

В этот период советское правительство не возражало против британско-американского плана установления власти по всей стране, которая по-прежнему была основным театром военных действий. Итальянские коммунисты, настойчивые в самых различных своих требованиях, таких, например, как наказание фашистских элементов, похоже, не эксплуатировали бедствия итальянского народа для своих революционных целей.

В Греции, по выражению Черчилля, установилось «ненадежное спокойствие». Коалиционное правительство, собранное наспех, распалось, пытаясь расформировать партизанские отряды. Группы, возглавляемые коммунистами, пытались захватить власть с помощью террора и организации беспорядков. Британские войска участвовали в жестоких уличных боях в Афинах, предотвращая неизбежные беспорядки. Но генерал Александер 21 декабря уведомил Черчилля, что «греческая проблема не может быть решена военными мерами. Ответ должен быть найден политическим путем».

К слову сказать, в кампании были задействованы гораздо большие силы и ресурсы, чем предполагалось. «Оккупация Греции, которая, как казалось в сентябре 1944 года, потребует 10 000 британских частей на короткое время, потребовала к концу декабря больше 60 000 и еще 18 000, предназначенных для подкрепления».

В сочельник Черчилль и Идеи отказались принять участие в празднике и отправились в Афины. Тогда только небольшой центр города, в котором располагались дипломатические представительства и правительственные здания, не был затронут боевыми действиями и стихийными беспорядками; так что во время этой прогулки премьер-министр мог быть ранен или взят в плен. Это увлекательное приключение возбуждало некогда молодого офицера, который был вместе с испанцами во время кубинского восстания и британским корреспондентом в Южной Африке наблюдал Англо-бурскую войну. В Афинах он был вынужден признать, что ненависть к королю и существующему правительству настолько сильна, что правильнее будет их сместить, чтобы не оказаться перед лицом затяжной гражданской войны. Ему удалось подвести лидеров различных политических партий к идее принятия власти регентства, осуществляемого архиепископом Афинским Дамаскиносом. Было решено, что новое правительство, сформированное им, будет состоять из небольшой группы «лучших людей», возглавляемой пламенным республиканцем генералом Пластирасом. Черчилль взял на себя неприятную задачу убедить короля отречься от престола и назначить архиепископа регентом. Ввиду неотложности задачи он прямо сказал королю, что в случае его отказа регентство будет установлено все равно и британское правительство признает его. Рузвельт, в ответ на просьбу Черчилля о содействии, добавил к обращению премьер-министра свое обращение. Король уступил. 30 декабря он объявил о регентстве и о своем решении не возвращаться в Грецию до тех пор, пока его не позовет свободное изъявление национальной воли.

1 января архиепископ с согласия всех партий, в том числе и коммунистов, был официально введен в должность. Два дня спустя приступило к работе новое правительство под руководством генерала Пластираса. Он и его помощники были известны как пламенные республиканцы, что обеспечивало им поддержку даже противников бывших властей. Но боевую группу, возглавляемую коммунистами, было невозможно заставить сложить оружие. Для подавления их сопротивления, проводимого в основном британскими войсками, требовалось перебросить отряды британцев из Афин и Аттики. Только тогда было заключено мирное соглашение между Греческой коммунистической повстанческой группой и правительством, а 15 января было заключено общее перемирие. Революционные силы пока были рассеяны. Правительство, в свою очередь, обещало справедливые выборы, уважение к гражданским правам и амнистию.

В Ялте Сталин поинтересовался событиями в Греции, но заверил Черчилля, что не

намерен критиковать и вмешиваться в ситуацию. Черчилль оценил такое отношение. В записанном переводчиками диалоге между ними содержится намек Сталина на соблюдение им своей части сделки, заключенной с Черчиллем: Британия должна иметь определяющий голос в Греции. Зная греков как горячий и вздорный народ, в среде которого в любой момент снова может вспыхнуть конфликт, Черчилль оценил это заверение. Хотя ему не терпелось вернуться из Крыма на Мальту по морю, он отказался от этого и полетел прямо в Афины, чтобы посмотреть, как выдерживает политическую погоду работа, которую он провел семь недель назад. В Афинах его встретили порядком и энтузиазм. Премьер-министр нашел слова для взволнованного выражения его любви к этой стране, ее прошлому и будущему в «публичной речи» (его собственное выражение), заканчивающейся словами: «Греция навсегда, Греция для всех!»

Черчилль и Сталин договорились нести равную ответственность за общее развитие ситуации в Югославии и в месяцы до Ялты искренне работали вместе.

Тито, как председатель Национального комитета освобождения, и Шубашич, как премьер-министр Королевского правительства Югославии, 7 декабря сообщили о принятии двух соглашений, направленных на создание нового единого правительства Югославии. Эти соглашения предусматривали, что король Петр не должен возвращаться в Югославию, пока сам народ не позовет его. До этого момента королевская власть должна осуществляться регентским советом, назначенным королем с согласия Тито и Шубашича. В распределении исполнительных должностей члены комитета Тито должны были иметь преобладающую долю, но некоторые места предназначались группе Шубашича. Антифашистский Совет национального освобождения должен был пока обладать полной законодательной властью. Но было обусловлено, что в течение трех месяцев после освобождения всей страны будут проведены общие выборы в Конституционную ассамблею, которая определит будущее постоянное правительство страны.

Британское правительство было недовольно этими соглашениями, но решило поддерживать их ради предотвращения постоянных волнений, чтобы дать шанс выжить различным демократическим элементам в этой беспокойной балканской стране. Спросили мнение американского правительства. Государственный департамент был настроен враждебно; он сделал верный вывод, что эта группа будет обладать контролирующей властью в правительстве, а «жест в сторону правительства в изгнании в лице доктора Шубашича кажется уступкой, которую сочли достаточной для получения признания другими правительствами».

Если не считать этого заявления, американское правительство бездействовало.

Шубашич, последовав примеру Тито, поехал в Москву выяснить, какие заверения он сможет получить от Сталина. По возвращении он посоветовал королю Петру подчиниться договору между ним и Тито, не возвращаться в Югославию и передать королевскую власть регентству. Но молодой король отказался и 11 января сделал публичное заявление, в котором объяснил, что этот поступок кажется ему эквивалентным отречению, результатом которого, безусловно, будет передача всей власти в Югославии одной политической группе, поэтому он его не совершит. Убеждение на него не подействовало; 18-го Черчилль в палате общин установил крайний срок. Король, в качестве вызова, без долгих рассуждений распустил правительство Шубашича, после чего британское правительство заявило королю, что признает любое югославское правительство, которое сформирует король. Оно передало Шубашичу, что поступок короля не повлиял на намерение британского правительства позаботиться о том, чтобы его соглашение с Тито было выполнено, и ради этой цели британское правительство готово перевезти его и его правительство в Белград вместе со всеми другими югославскими лидерами, которые захотят туда перебраться. Оно предупредило об этом Тито. Была сделана еще одна попытка убедить американское правительство вмешаться в ход событий, но и эта попытка не увенчалась успехом.

Будучи не в состоянии найти какую-либо замену, приемлемую для британского министерства обороны, король снова назначил Шубашича, приказав ему выполнять соглашение с Тито. Но король и Тито, похоже, не смогли прийти к согласию по кандидатурам в регентский совет. До тех пор пока они не договорились, правительство Шубашича оставалось в Лондоне и соглашения не могли выполняться.

В Ялте Черчилль предложил Сталину присоединиться к двум поправкам к соглашениям Тито-Шубашича. Вот эти поправки:

1. Члены бывшего югославского парламента, не сотрудничавшие с врагом, могут быть включены в Антифашистский совет, который будет осуществлять законодательную власть.

2. Действия этого Антифашистского совета должны утверждаться Конституционной ассамблеей, которая должна быть создана после освобождения всей Югославии.

Сталин, используя аргументы, предоставленные ему Молотовым, сопротивлялся этому предложению. Он возражал, что это будет означать откладывание выполнения соглашений на неопределенное время. Лучше, утверждал он, подождать, когда начнет действовать новая правительственная машина, а затем посоветоваться с ней о британских поправках. Черчилль и Идеи отрицали тот факт, что для обсуждения их предложений требуется отсрочка исполнения соглашений, и настаивали на их немедленном представлении Тито и Шубашичу, так как они разумны, сделают новое югославское правительство более демократичным и гарантируют новому правительству лучший прием.

На последнем, стремительном этапе конференции, пока разрабатывались формулировки по Польше, было принято соглашение и по этому вопросу. По форме это был компромисс, в результате которого возобладала советская стратегия. Черчилль отказался от идеи внесения поправок в договор Тито-Шубашича до начала его выполнения. Тогда было решено, что они со Сталиным обратятся к Тито и Шубашичу, убеждая их поторопиться и выполнять договор таким, какой он есть, сформировав новое правительство, основанное на нем; а затем новое правительство должно заявить о своем намерении действовать в соответствии с двумя поправками, предложенными Черчиллем. Рузвельт, после недолгого раздумья, согласился с таким обращением. Оно было отослано.

Вскоре после того, как в Ялтинской конференции был объявлен перерыв, Шубашич и его группа уехали из Лондона в Белград. В начале марта три регента принесли свои клятвы; Шубашич прочел официальные обращения короля. Несколько дней спустя Тито образовал новое правительство, полностью подчиненное его воле.

Британцев беспокоили участвовавшие конфликты на границах между Югославией и Австрией и между Югославией и Италией. Идеи представил на рассмотрение Ялтинской конференции меморандумы по обеим ситуациям.

В одном отмечалось, что при предполагаемом распределении зон оккупации в Австрии британцы будут нести ответственность за всю австрийско-югославскую границу. Неприятности могут начаться из-за предъявления югославским правительством претензии на пограничные регионы Австрии, а их партизанские отряды могут попытаться овладеть этими регионами. Британское правительство не хотело в одиночестве бороться с югославами. Поэтому оно предложило главам трех держав в Ялте объединиться и заявить югославскому правительству, что до окончательного мирного урегулирования должна быть восстановлена прежняя австрийско-югославская граница. В качестве предупреждения следовало получить подтверждение Советского Союза о поддержке любых действий британского правительства, направленных на сохранение целостности этой границы.

Второй меморандум предупреждал о серьезной опасности конфликтов в итальянской провинции Венеция-Джулия, примыкающей к Югославии на северо-востоке. В нем утверждалось, что британцы планируют учредить Союзное военное управление в Италии

и в этой провинции до границы 1939 года. Однако Тито не соглашался и был намерен осуществлять административную власть на обширных участках этой провинции, которую хотел присоединить к Югославии и которую уже контролировали его партизаны. Британское правительство предвидело, что, если не принять мер предосторожности, борьба, возможно, разгорится между Союзным военным управлением и этими партизанами или между югославскими и итальянскими партизанами. Оно предложило определить на Ялтинской конференции временную демаркационную линию между участком, контролируемым Тито, и участком, контролируемым Союзным военным управлением.

Британские меморандумы были представлены накануне перерыва. Главы государств приняли их к сведению и согласились поручить дипломатам их обсуждение после перерыва в конференции. Здесь скажем, забегаая вперед: они попали впросак.

В Румынии коалиционное правительство, которому не хватало силы и стойкости, испытывало давление со всех сторон. Местные коммунисты и поддерживающие их элементы плели интриги против него и везде сеяли беспорядки. Советское правительство не без причины добивалось от румынского правительства сбора репараций и придиралось к нему за укрытие лиц, сочувствующих нацистам, и военных преступников. Руководители самых консервативных партий отворачивались от правительства, полагая, что оно делает недостаточно для подавления угрозы коммунизма. Король лишил доверия премьер-министра Сатанеску под предлогом его готовности плясать под дудку коммунистов. Было решено, что лучшим способом поддержать порядок и соблюсти видимость некоторой свободы будет замена правительства «политиков» правительством «технарей», людей, не связанных тесными узами с какой-либо политической партией. Это было сделано в начале декабря, несмотря на опасения силового захвата власти коммунистами. Они могли добиться успеха, если бы их поддержали советские официальные лица в Румынии.

Ничего подобного не произошло. Но в недели, предшествующие Ялте, американские наблюдатели в стране доложили Вашингтону о многочисленных признаках того, что коммунисты готовятся захватить власть в стране, и предупреждали, что при поддержке, а иногда и активной помощи Красной армии и секретной полиции их действия, скорее всего, увенчаются успехом. Анна Паукер и другие румынские политические лидеры в середине января были вызваны в Москву, где получили указание начать кампанию за монополию власти Национального демократического фронта (коммунистического). Эта группа начала действовать, агитируя за настоящее левое правительство, которое скорее сможет гарантировать Румынии признание союзницей, возврат румынских военнопленных, содержащихся в Советском Союзе, вознаграждение в виде северной Трансильвании и экономическую помощь (предположительно, освобождение от выплаты репараций).

Советское правительство не скрывало неприязни и презрения как к существующему правительству, так и к народу Румынии. Советское Верховное командование управляло железной рукой. Как председатель Контрольной комиссии, советский представитель (генерал Виноградов) выпустил от имени комиссии инструкции без предварительного согласования с британским и американским представителями. Когда его упрекнули за это, он попытался оправдать свои действия чрезвычайной ситуацией и военной необходимостью. Но в более открытой беседе он выразил мнение, что американский и британский члены Контрольной комиссии в Италии приняли исполнительные решения по этой стране, не советуясь с ним, поэтому он чувствует себя вправе поступить точно так же в Румынии. Его во всем поддерживал Молотов.

К Болгарии советское правительство и армия относились более дружелюбно, но и более собственнически. Британский и американский члены Контрольной комиссии были практически отстранены от реального участия в ее работе. Советский представитель при

поддержке Молотова утверждал, что, согласно договору о перемирии, он наделен решающей властью. С американским и британским представителями редко советовались, их неверно информировали и не позволяли ездить по стране, чтобы своими глазами видеть происходящее; фактически, как выразился Черчилль, их «интернировали».

Британское и американское правительства обратились с жалобой на советских председателей контрольных комиссий этих двух стран, Румынии и Болгарии. Они не просили равных прав. В конце концов Черчилль согласился, что во время войны Советский Союз должен иметь лидирующее положение в обеих странах. Но союзники просили советоваться с ними прежде, чем принимать политические решения, и добивались согласия Сталина, чтобы после окончания войны их представители получили равные права с советским. Но разбираться с этими жалобами было некогда. Их рассмотрение поручили дипломатам.

В Венгрии еще продолжались ожесточенные бои, и венгерские войска воевали по обе стороны фронта. Пока представители нового временного правительства, образованного в Дебрецене, ждали решения своей участи, в Москве Молотов с американским и британским послами обсудили соглашение о перемирии.

Остались неразрешенными два основных разногласия с советским правительством. Первое касалось вопроса, должна ли Контрольная комиссия быть лишь придатком советского главнокомандующего или подлинной совместной властью.

Текст первоначального предложения Советского Союза по вопросу о контроле, составленный 27 декабря 1944 года, представляет некоторый интерес, поскольку он явно свидетельствует о попытке Советского Союза получить преобладающее влияние над Венгрией:

«На весь период перемирия в Венгрии будет создана Союзная контрольная комиссия, которая будет наблюдать за исполнением условий перемирия под председательством представителей союзного (советского) Верховного командования и при участии представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов.

В период между вступлением в силу перемирия и завершением военных операций против Германии Союзная контрольная комиссия будет находиться под общим контролем союзного (советского) Верховного командования».

Гарриман и Кларк Керр упорно добивались точного соглашения о правах и привилегиях американских и британских представителей и членов штабов. Согласно полученным указаниям, они были готовы согласиться на то, что, пока идет война, последнее слово должно принадлежать советскому председателю комиссии, но упорно требовали, чтобы американским и британским представителям предоставлялась информация о политических директивах задолго до их опубликования, чтобы их правительства имели возможность в случае несогласия заявить протест. Хотя вначале Молотов утверждал, что это невозможно, и ссылаясь на ситуацию в Италии, где, по его утверждению, уже больше года никто не советуется с советским правительством, в конце концов советское правительство уступило требованиям американцев и британцев.

Но когда речь заходила о требованиях американцев и британцев о полном равноправии всех членов Контрольной комиссии после окончания войны с Германией, советское правительство было непреклонно. Оно охотно гарантировало американским и британским членам комиссии больше привилегий и свободы передвижений, чем их коллегам в Румынии и Болгарии, но упорно отказывалось принять в качестве непреложного правила, что комиссия должна функционировать как группа из трех равных членов и принимать решения только при условии единодушного согласия. Американцы и британцы уступили. Может быть, потому, что поняли слова Молотова, брошенные им напрямик во время спора 8 января: «Для Советского Союза не было необходимости

заключать перемирие с Венгрией, потому что Красная армия фактически была хозяином в этой стране. Она могла делать там что захочет». Однако оба посла приложили к своим отчетам письма к Молотову, в которых уведомляли, что их правительства оставляют за собой право снова вернуться к вопросу о равноправии после окончания войны с Германией.

Условия перемирия были переданы официальным лицам правительства в Дебрецене 18 января, приняты на следующий день, а назавтра подписаны маршалом Ворошиловым от имени Организации Объединенных Наций. По мере распространения частей Красной армии по всей стране группы и элементы, сочувствующие Советскому Союзу, набирали силу, становились активнее и наглее.

В Ялте эта ситуация была обсуждена лишь бегло.

Победы влекли за собой общественные беспорядки в одной стране за другой. Следует вспомнить, что на Московской конференции в октябре 1943 года тремя министрами иностранных дел обсуждалась идея единого подхода к ситуациям, возникающим в освобожденных странах, но тогда они нашли эту задачу слишком сложной и трудной. Теперь, в Ялте, когда было уже слишком поздно, американское правительство изо всех сил старалось решить ее.

Меморандумы, подготовленные для государственного секретаря и президента и вписанные в книгу протоколов, ведущуюся в Ялте, резюмируют основные тенденции развития ситуации в Европе:

1. Во многих мелких странах уменьшается возможность создания подлинно представительных демократических правительств.

2. Несмотря на англо-советское соглашение о зонах контроля, растут напряженность и подозрительность между партнерами. Британские официальные лица все больше склоняются к мнению, что русские стремятся привести к власти в странах Западной Европы правительства, находящиеся под контролем коммунистов. Советские официальные лица, в свою очередь, приписывают британцам желание поддерживать в странах вдоль советских границ отвергнутые правительства, враждебные Советскому Союзу.

Поборники проекта Организации Объединенных Наций из Государственного департамента, в свою очередь, были обеспокоены, что эти тенденции стимулируют оппозицию плану, выработанному в Думбартон-Окс, на том основании, что будущая организация «...будет просто гарантировать систему одностороннего захвата». Поэтому в качестве противоядия они предложили выработать совместную политику.

Соответствующий документ американское правительство и привезло в Ялту. Текст был назван «Декларация об освобожденной Европе». Сам по себе он был не более чем очередным признанием в преданности идеалам, которые все три союзника неоднократно озвучивали прежде. В этом предложенном кредо главы государств подтверждали «...свое взаимное согласие в период временной нестабильности в освобожденной Европе совместно выработать политику трех правительств по оказанию помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и помочь народам бывших государств-сателлитов демократическими средствами решить свои неотложные политические и экономические проблемы».

С этой целью декларация обязала троих лидеров помогать народам каждого из этих государств вновь обрести состояние внутреннего мира и как можно скорее путем свободных выборов сформировать правительства, ответственные перед волей народа. В ней утверждалось, что, «когда, по мнению трех правительств, условия... этого потребуют», страны-победители тотчас же примут меры, необходимые для того, чтобы снять с себя эту совместную ответственность.

Сделав небольшие поправки в языке, главы государств приняли и опубликовали эту декларацию. Трудно судить, разделяли ли советское и британское правительства мнение

американцев, что ее принципы смогут управлять событиями. Неопределенный смысл ее фраз позволял легко трактовать ее любым образом. Борьба внутри этих стран была не просто еще одной главой в англо-советском соперничестве за влияние в Европе. Она была частью мирового спора между теми, кто стремился к преобладающей роли Москвы, и теми, кто тяготел к другим социальным идеям и системам. Пока продолжался этот спор, коалиционные соглашения между столь враждебными друг другу элементами могли быть только временными; а если их отложить и прибегнуть к такому спасительному средству, как свободные выборы, которые ослабили бы внутренние политические разногласия, управлять ситуацией, безусловно, будет затруднительно. Что будет, если народ одной из стран, граничащих с Советским Союзом, выберет правительство, активно настроенное против Советского Союза? Что, если одна из стран Запада выберет коммунистическое правительство? Если посмотреть с другой стороны, вопрос заключался в том, будет ли отвергнута англо-советская попытка избежать конфликтов с помощью разделения сфер влияния ради высоких политических принципов, которые, при определенных обстоятельствах, могут дать непредсказуемые результаты.

Но от усилий поставить во главу угла принцип, в Ялте и впоследствии, не следовало отказываться. Декларация об освобожденной Европе помогала поддерживать сопротивление демократических элементов в Центральной Европе. Принципы, которые она провозглашала, могли на некоторое время повлиять на ход событий и стать вдохновляющим руководящим принципом в будущем.

Ялта: Организация Объединенных Наций

Конференция в Думбартон-Окс развеяла надежду на скорую встречу всех Объединенных Наций с целью создания новой всемирной организации мира. За Думбартон-Окс последовала пауза. Для тех, кого этот вопрос касался больше, чем остальных, каждая новая неделя становилась неделей тревоги. Отсрочка выглядела опасной. Поэтому они изо всех сил старались заключить соглашения по вопросам, не улаженным в Думбартон-Окс.

Три из них были наиболее важны:

1. Какая процедура голосования должна соблюдаться в Совете Безопасности?
2. Какие страны прежде всего должны стать членами организации?
3. Должна ли предложенная хартия гарантировать какую-либо территориальную опеку?

Как было сказано выше, трое основных союзников договорились об обязательном согласии всех постоянных членов Совета Безопасности при принятии Советом любого принципиального решения. Значительные разногласия возникли по поводу того, должно ли существовать согласие всех постоянных членов Совета еще на стадии утверждения повестки дня, требуется ли единодушное соглашение для попыток разрешения конфликта мирным путем. Должен ли каждый из постоянных членов иметь право ограничивать Совет в принятии мер такого рода и может ли он оставлять за собой такое право, если не является участником конфликта?

15 ноября Рузвельт получил рекомендации Государственного департамента по позиции, которую следовало занять при обсуждении этих вопросов. Рекомендации сводились к следующему: а) для решения «процедурных вопросов» требовалось согласие не менее семи любых членов Совета (или всех одиннадцати); б) для решения всех иных вопросов требовалось согласие всех постоянных членов Совета; в) при урегулировании спора или вынесении арбитражного решения любой член Совета, *замешанный в споре, не участвовал в голосовании.*

Примечательно, что ни здесь, ни в более поздних набросках и изложениях наших предложений, ни в ялтинских дискуссиях нет точного определения вопросов, которые следует считать «процедурными». Самое полное перечисление основных вопросов, по

которым должны требоваться голоса всех постоянных членов, имеется в меморандуме делегации Соединенных Штатов, розданном британской и советской делегациям 6 февраля в Ялте.

Это предложение президент представил на рассмотрение Черчиллю и Сталину с серьезным призывом совместно показать, что «...лидерство великих держав основывается не только на размерах, силе и ресурсах, но и на прочном моральном превосходстве, которое может поднять общий уровень международных отношений во всем мире». Передавая его 14 декабря, Гарриман пояснил, что президент надеется на быстрый ответ и заключение соглашения, так как рассчитывает уже в феврале пригласить все Объединенные и другие нации на встречу, где должна быть создана международная организация безопасности. Сталин ответил, что президент может думать что ему угодно, но вопрос требует детального изучения, а Молотов сейчас болен.

В ответе, полученном 27 декабря, говорилось, что Сталин, к сожалению, не видит возможности согласиться с предложением президента о воздержании от голосования участников спора, когда Совет Безопасности пытается добиться мирного урегулирования. Он считает неразумным позволять Совету принимать какие-либо решения, если возражает кто-нибудь из постоянных членов Совета. Такое положение противоречит принципу единогласия решений четырех ведущих держав и может, противопоставив одни великие державы другим великим державам, подорвать дело всеобщей безопасности. Молотов в тот же день постарался убедить Гарримана в справедливости и разумности позиции Советского Союза. Он искусно объяснил, почему советское правительство считает главным поддержание единства великих держав и не хочет допустить ни одной лазейки, ни одной щели, куда можно было бы вбить клин между ними. Он доказывал, что, если они будут едины, появится гораздо больше шансов решить любые споры без применения силы, когда встанет вопрос о мирном урегулировании; если же у них возникнут разногласия на этапе обсуждения вопроса, любая другая попытка повлиять на решение, скорее всего, станет невозможной. Этого, заключил Молотов, и боится Сталин. Цитирую запись его заявления: «Принцип единства действия не должен подвергаться какому бы то ни было обсуждению. Он никогда не должен быть умален, и от него не должно быть никаких отступлений; иначе будет выхолощен смысл организации».

Гарриман в отчете о своей беседе с Молотовым попытался проанализировать причины бескомпромиссности русских. Он сделал вывод: русские не верят в беспристрастность членов Совета; они придерживаются иных взглядов, чем мы, на то, чего можно ждать от соседних стран; в конечном счете, они не хотят ограничивать свое право улаживать споры в своем регионе с помощью прямых переговоров или действий без постороннего вмешательства.

Узнав, что британское правительство примет его предложение, Рузвельт твердо решил попытаться одержать верх над русскими. Но он не был склонен считать проблему ключевой, в чем его пытались убедить некоторые из самых убежденных советников из Государственного департамента. Прямо перед тем, как отправиться в Ялту, он дал понять членам комитета по международным отношениям сената, что, по его мнению, в этом вопросе он мог бы уступить русским.

На третьем заседании конференции 6 февраля Рузвельт прежде, чем представить предложения американцев, выразил веру в возможность сохранения мира во всем мире если не навечно, то лет на пятьдесят. Черчилль, выступавший следующим, сказал, что, тщательно подумав, он счел предложения американской стороны удовлетворительными. Заметим, что сокращенный вариант предложений американцев, позже приведенный в мемуарах Черчилля, был любопытным образом вывернут наизнанку. «В предложении господина Рузвельта содержалась еще одна тонкость. Конфликт можно было урегулировать мирными средствами. Тогда тоже потребуются семь голосов, а постоянные члены – так сказать, „Большая четверка“ – должны быть согласны все. Но если кто-то из

членов Совета (включая „Большую четверку“) участвует в конфликте, он может обсуждать решение, но не может по нему голосовать».

Сталин говорил так, словно был по-прежнему озабочен практическим значением предложенной процедуры голосования в Совете, но в его замечаниях, как всегда, доминировала одна и та же тема: «...самое главное – предотвратить в будущем ссоры между тремя великими державами, и поэтому задача заключается в том, чтобы сохранить в будущем их единство. В уставе всемирной организации это должно быть записано как первостепенная задача...»

Опасения Сталина становятся ясными из его объяснения. Советский лидер сказал, что он и его коллеги не могут забыть событий декабря 1939 года, когда разразилась война между Советским Союзом и Финляндией. Тогда, по настоянию Великобритании и Франции, Лига Наций исключила Советский Союз из своих рядов и возбудила против него общественное мнение, а западный мир зашел так далеко, что заговорил о крестовом походе против Советского Союза. Черчилль не извинился за прошлое. Он лишь заметил, что британцы тогда были настроены очень враждебно. Дальше премьер-министр коснулся сути проблемы: «...он понимает силу этого [Сталинского] аргумента, но не верит, что всемирная организация исключит споры между державами, и это останется функцией дипломатии».

Рузвельт, следуя своему правилу, возражал, что в любом случае нациям мира, объединенным в ассамблею новой организации, придется обсуждать разногласия между тремя великими державами или те, к которым они имеют отношение. Поэтому он полагает: свободные, откровенные и дружеские обсуждения в Совете не вызовут конфликтов между великими державами, а будут служить укреплению доверия, которое они испытывают друг к другу и к справедливости своей политики.

После дискуссии советское правительство в тот же день внезапно изменило позицию. В разгар дневной встречи глав государств 7 февраля Молотов заявил, что советское правительство, выслушав объяснительный отчет Стеттиниуса и замечания Черчилля, признало предложения американцев полностью гарантирующими единство великих держав в вопросе о сохранении мира. Поэтому, сказал он, верное духу решений, принятых в Думбартон-Окс, советское правительство согласится с ними.

Всех обрадовало это заявление. В Ялте, сказал президент, сделан великий шаг вперед, который будут приветствовать все народы мира. Премьер-министр поблагодарил за поступок, который принесет всем нациям радость и облегчение.

После того как было принято предложение по голосованию в Совете Безопасности, Молотов попросил быстро обсудить требование, выдвинутое в Думбартон-Окс о принятии в новую организацию всех или некоторых республик, входящих в Союз Советских Социалистических Республик, на правах самостоятельных членов с получением мест в ассамблее. Он уточнил, что теперь просит, чтобы были приняты не все шестнадцать республик, а по меньшей мере только три: Украина, Белоруссия и Литва. Требование он оправдал сравнением с числом голосов в ассамблее, которое будут иметь члены Британского Содружества, размером этих советских республик, ролью, которые они сыграли в войне, и тем обстоятельством, что по недавно исправленной советской конституции им предоставлено право поддержания независимых отношений с иностранными правительствами.

Президент лишь сказал, что он рассматривал этот вопрос как один из многих, касающихся принятия стран, пока не являющихся членами Объединенных Наций, и его еще должны рассмотреть министры иностранных дел. Черчилль заявил, что, помня о роли, которую британские доминионы добровольно сыграли в войне, он понимает требование Советского Союза, но попросил время, чтобы посоветоваться с Лондоном прежде, чем выразить более определенное мнение.

В результате дискуссии министров иностранных дел 10 февраля ими был составлен

отчет, который утвердили главы государств, где один из пунктов гласил: «Конференция [то есть Учредительная конференция] определит список самостоятельных членов организации. На этом этапе делегаты от Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки предложат принять в качестве самостоятельных членов две советские социалистические республики».

Президента убедили, что это не только не нанесет никакого вреда, а, напротив, сможет привести к более надежному сотрудничеству Советского Союза с другими странами Объединенных Наций. Но, согласившись с этим, Рузвельт, без обсуждений со Сталиным, ясно намекнул, что прекрасно понимает: за новой формулировкой скрывается отход от согласованных стандартов. Вопрос, сказал он, заключается не в принятии новых стран в Организацию Объединенных Наций, а о предоставлении одной из великих держав трех голосов в ассамблее вместо одного. Позже, вечером 10 февраля, он увидел некоторых своих американских коллег очень расстроенными возможным недовольством, которое может вызвать у них на родине этот компромисс. Бирнс, бывший член сената, волновался, вспоминая, как Рузвельт посмеивался над требованием Советского Союза во время беседы с членами Комитета по международным отношениям сената перед отъездом в Ялту. Он и Эдвард Флинн, лидер демократической организации в Нью-Йорке, даже боялись подумать, как поведут себя ирландцы в больших западных городах, узнав о соглашении, согласно которому члены Британского Сообщества будут иметь в ассамблее шесть голосов, СССР – три голоса, а Соединенные Штаты только один. Поэтому, чтобы иметь возможность успокоить народ Соединенных Штатов, президент написал письмо Сталину. Он объяснил, что согласие, которое он дал, может вызвать политические беспорядки в его стране. Чтобы заставить американский народ и конгресс поддержать его согласие, ему придется просить о дополнительных голосах для Соединенных Штатов. Тот же вопрос он задал и Черчиллю. Оба тотчас же ответили, что не возражают и, если понадобится, помогут это осуществить.

Вопрос о включении в хартию условий опеки, осуществляемой Организацией Объединенных Наций, был улажен в том же духе дружеского компромисса.

Рузвельт все время оставался верным своему принципу и одобрил усилие, предпринятое в Ялте для того, чтобы, по крайней мере, гарантировать идею политическую поддержку. Стеттиниус 9 февраля предложил, чтобы в приглашениях на Учредительное собрание, посланных министрам иностранных дел, в одном из параграфов было записано: «Вышеназванные правительства договорились, что, по их мнению, на предстоящей конференции желательно обсудить включение в будущую хартию положений, касающихся территориальной опеки и зависимых регионов». Но Идеи не согласился с этим, а Молотов казался безразличным.

Когда вопрос был вынесен на рассмотрение трех глав государств, Черчилль выступил с резким комментарием, назвав это предложение «замаскированной дубиной, занесенной над Британской империей». Можно смело сделать вывод, что он имел в виду не только именно это предложение, но и весь поток призывов вырваться на свободу, обращенный к народам, живущим под контролем Британской империи. Он заявил, что ни при каких обстоятельствах он не согласится, чтобы сорок или пятьдесят наций решали вопрос о существовании Британской империи. Учитывая заслуги империи во время войны, пока он остается премьер-министром, он не допустит, чтобы это предложение коснулось хоть одного клочка британской территории, как и того, чтобы представитель Великобритании отправился на конференцию, где будет посажен на скамью подсудимых и ему придется доказывать свое право жить в мире, который пытается спасти Британская империя.

Как бы ранее президент ни собирался поступить с Гонконгом и другими британскими и французскими аванпостами, сейчас он боялся рисковать проектом Организации Объединенных Наций, затевая ссору с премьер-министром. Он выслушал

Черчилля и попросил Стеттиниуса дать успокаивающие объяснения, что тот и сделал. Президент объяснил, что не имел в виду Британскую империю. Речь идет только о зависимых регионах, которые будут освобождены из-под вражеского контроля, например тихоокеанские острова.

Черчилль успокоился, но выразил желание, чтобы в документе было ясно записано, что это предложение не относится к Британской империи. Британское правительство, продолжил он, не собирается распространять свою власть на новые земли, но не возражает против обсуждения вопроса о возможной опеке над территориями, которые будут очищены от врага. Как, спросил он Сталина, чувствовал бы себя тот, если бы Крым предложили сделать международным курортом? Маршал учтиво ответил, что будет рад сделать Крым местом встреч глав трех держав.

На заключительном этапе составления документа было лишь оговорено, что пять правительств, имеющих постоянные места в Совете Безопасности, перед конференцией Организации Объединенных Наций, на которой должен быть обсужден вопрос обеспечения механизма опеки, должны обязательно провести предварительное совещание. Однако следовало понимать, что такая опека могла быть применена только: к подмандатным территориям Лиги Наций, к территориям, отнятым у противника во время все еще идущей войны, и к территориям, которые добровольно захотят подвергнуться опеке.

Таким образом, все вопросы, стоявшие на пути созыва конференции, на которой предстояло составить и утвердить Хартию Организации Безопасности, могли быть решены. Американское правительство предложило провести ее не позднее апреля в Соединенных Штатах. Возражений не последовало. Тут же был одобрен текст приглашений, а также назначено время и место проведения конференции: 25 апреля, Сан-Франциско.

Конец конференции был слишком поспешным. Сталин, узнав, когда президент планирует уезжать, усомнился, смогут ли они к этому времени должным образом завершить работу. Рузвельт ответил, что, хотя у него намечена встреча с тремя королями, если нужно, он останется еще на один день. Конференция уложилась в график ценой принятия неожиданных, порой двусмысленных решений по нерешенным вопросам, поручения некоторых вопросов министрам иностранных дел и работы редакторов день и ночь, без перерывов на еду.

Прояви президент больше терпеливого упрямства, может быть, некоторые соглашения выглядели бы более ясными и были направлены в пользу западных государств. Но повлияло бы это на последовавшие события, такие, как высадка нашего десанта в Китае и Маньчжурии?

Членам американской делегации, часто видевшим президента, в конце конференции он не казался ни больным, ни утомленным. Все замечали, что он уставал к концу совещаний и, похоже, стал избегать длительных дебатов, но решения не обременяли его. Как им, так и Сталину он объяснил причину своего быстрого отъезда нежеланием отсутствовать в стране дольше намеченного времени. Ведь ему еще предстояло морское путешествие на Дальний Восток. Он не хотел оставаться вдали от конгресса, своего народа и армии, но, когда Черчилль в последний раз увидел его в гавани Александрии! перед отправлением «Куинси» на родину, президент показался ему «отстраненным и болезненным». По-видимому, настолько отстраненным, написал он позже, что «я почувствовал: жить ему осталось совсем недолго».

Однако по завершении конференции он радовался вместе с Черчиллем и Сталиным не только результатам проделанной работы, но и чувству личной причастности к достижению общей цели. Все трое согласились: добрая воля и единство внутри коалиции снова выдержали серьезную проверку. Тосты, произнесенные на банкете, данном

Сталиным вечером 8 февраля, когда работа конференции еще шла полным ходом, насмешливым эхом отразились в отчете.

Рузвельт в ответном тосте похвалил семейную атмосферу, царившую на этом обеде, и пожелал, чтобы такие же отношения и в будущем связывали все три страны. Ответный тост Сталина, обращенный к альянсу, был более сдержанным. Он отметил, что не так уж трудно сохранять единство во время войны, поскольку всех связывает единая цель. Трудные времена настанут после войны, когда союзников могут разделить разные интересы. Но в заключение он выразил уверенность, что альянс, за будущее которого он пьет, выдержит и это испытание. Долг всех сидящих за этим столом – приложить все силы, чтобы и в мирное время отношения союзников сохранились такими же крепкими, как во время войны.

Черчилль заговорил о будущем. Все они стоят на вершине холма, с которого открывается блестящий вид будущих возможностей. В современном мире функция руководства заключается в том, чтобы вести людей на просторные, солнечные равнины мира и счастья. Он считает, что такая награда для них доступнее, чем когда-либо в истории, и произойдет великая трагедия, если они из-за инерции или беспечности позволят ей выскользнуть из рук. История никогда им этого не простит!